

Алексей Пшенов

Собаچه счастье

Алексей Пшенов

Собачье счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28954008

ISBN 9785449026651

Аннотация

В лесу на окраине Подмосковья бесследно исчезают отошедший от дел предприниматель Дмитрий Батырев и его сын Олег. Их исчезновение выгодно жене Олега – Светлане. Однако у Дальнего леса имеется сумасбродная и безжалостная хозяйка – инспектор местного лесхоза Нина Бибикова, устроившая в своей усадьбе приют для бездомных собак.

Содержание

От автора	5
Глава 1. Батя	6
Глава 2. Олег	15
Глава 3. Батя	21
Глава 4. Олег	39
Глава 5. Светлана	49
Глава 6. Олег	63
Глава 7. Фёдор Прыгунов	81
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Соба́чье счастье

Алексей Пшенов

© Алексей Пшенов, 2018

ISBN 978-5-4490-2665-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Этот роман под названием «Западня» вышел в 2010 году в серии «Криминально-Интеллектуальное Чтиво» издательства «Эксмо». Книга была издана в недолговечном формате бумажного покетбука и к настоящему времени почти ни у кого не сохранилась. Теперь я хочу предложить своим читателям обновлённый вариант старого романа в «неубиваемом» электронном формате.

Каждому яблоку – место упасть

Каждому вору – возможность украсть,

Каждой собаке – палку и кость,

И каждому волку – зубы и злость!

В. Цой.

Глава 1. Батя

Седой, коротко стриженный мужчина с большой, потемневшей от времени плетеной корзиной в одной руке и длинной суковатой палкой в другой, одетый в черный, наглухо застегнутый бушлат, придававший ему сходство с беглым зеком, вышел из густого сумрачного ельника на просторную заросшую невысокой пожухлой травой поляну и, посмотрев на небо, недовольно нахмурился. Погода портилась буквально на глазах. Небо, бывшее еще каких-нибудь полчаса назад безмятежно-голубым, теперь стремительно исчезало за быстро бегущими темными лохматыми облаками, а острые верхушки елей взволнованно раскачивались и монотонно гудели под резкими порывами холодного северного ветра. Мужчина достал из корзины помятую армейскую фляжку, сделал несколько мелких неторопливых глотков, закурил и, бросив беглый взгляд на компас, одетый на левое запястье рядом с массивными золотыми часами, направился к южному краю поляны туда, где в лесную чашу уходила едва приметная, почти нехоженная тропинка. Не дойдя нескольких шагов до кромки леса, мужчина остановился. По тропинке навстречу ему по-хозяйски медленно шел разбойничьего вида небольшой пегий пес с загнутым бубликом хвостом и на чисто оторванным левым ухом. Мужчина сделал шаг в сторону, уступая дорогу дерзкому псу, но тот остановился, хищ-

но потянул носом воздух и, уставившись на человека пристальным немигающим взглядом, дважды негромко тьякнул. Мужчина уступил тропинку и, выставив на всякий случай в сторону пса свою палку, уже почти обошел его стороной, когда из-под тяжелых еловых лап выбрались две крупные лохматые собаки, прячущие глаза под волнистыми прядями черной смолянистой шерсти. Угрожающе рыча, они двинулись прямо на человека.

– Слушайте, собачки, давайте разойдемся по-мирному, вы пойдете своей дорогой, а я своей, – с неуверенно-наигранным дружелюбием произнес мужчина, возвращаясь обратно к тропинке.

Черные псы, пугающе скаля крупные желтые клыки, продолжали наступать.

– Эй, хозяева, собак своих заберите! Хозяева, ауу!!! – громко крикнул мужчина в молчаливый еловый сумрак, хотя по самоуверенному поведению псов он уже догадался, что никаких хозяев с ними нет.

Силы были явно неравные, и мужчине оставалось только капитулировать. Он скептически посмотрел на свою палку и, демонстрируя лояльность, отбросил ее в сторону и поднял руки вверх.

– Слушайте, собачки, вы идёте на север, а я моя дорога лежит на юг, поэтому давайте не будем мешать друг другу, – натянуто улыбнулся мужчина, внимательно осматривая поляну и пытаясь сообразить, удастся ли ему быстрее своих

оппонентов добежать до ближайшего дерева.

Одноухий пегий пес, зайдясь веселым лаем, резво припустил за брошенной палкой, а одна из черных собак, заметно хромающая на правую переднюю лапу, подошла к мужчине вплотную и, ухватившись зубами за широкую брючину, развернула его на сто восемьдесят градусов и немного протащила за собой.

– Вы что, меня в плен взяли? – растерянно спросил мужчина, тщетно пытаясь рассмотреть, есть ли на шее у пса ошейник.

Словно отвечая на его вопрос, черная собака кивнула лохматой головой и уступила пленнику дорогу. Мужчина ошарашено посмотрел сначала на неё, а потом на компас:

– Ну что ж, ваша взяла. На север, так на север.

Не выпуская корзины, он обреченно заложил руки за спину и покорно пошел вслед за вернувшимся на тропинку одноухим псом, гордо несущим в зубах свой трофей – длинную суковатую палку. Черные собаки, разойдясь на пару корпусов в стороны, словно конвоиры, двинулись за своим пленником. Тропинка, едва заметная в траве, уйдя в ельник, во все потерялась на ржавом ковре опавшей хвои, но собаки уверенно держали направление и довольно быстро вывели мужчину на заброшенную, уже зарастающую молодым подлеском просеку, по которой проходила петляющая между ямами и кочками слабо наезженная колея. Выбежав на просеку, пегий пес повернул налево, а мужчина остановился и,

в очередной раз сверившись с компасом, миролюбиво обратился к своим конвоирам:

– Ну, спасибо вам собачки, что вывели на дорогу. А дальше я уж как-нибудь и без вас доберусь.

Он достал из кармана мобильник и собрался повернуть направо, но черные псы, рыча и угрожающе скаля желтые клыки, преградили ему путь.

– Ну, что вы еще от меня хотите?! – зло выкрикнул мужчина, разочарованно глядя на безжизненный дисплей своего смартфона. Он уже не раз пожалел о том, что так малодушно и опрометчиво выбросил на поляне свою палку.

Хромой черный пес снова ухватил своего пленника за брючину и, жестко развернув, протащил его за собой несколько метров. Мужчина выматерился, закурил и медленно поплелся по просеке на север. Собаки пристроились по бокам и, подгоняя пленника, стали бесцеремонно тыкаться тяжелыми мохнатыми мордами в его ноги. Ветер, шумно раскачивавший верхушки елей затих так же внезапно, как и начался, и холодный осенний дождь ловко сшил небо и землю тонкими прозрачными нитями. Мужчина достал из корзинки джинсовую бейсболку с крупной красной надписью «Red Sox», натянул ее как можно глубже на голову, и высоко поднял ворот черного стеганого бушлата. Густой ельник по краям просеки постепенно сменился жидким гниловатым редколесьем, а где-то неподалёк послышался нестройный собачий лай. Пегий пес возбужденно зави-

лял хвостом и, припустив со всех ног, скрылся за ближайшим поворотом. На смену ему из сбросившего листву чахлого ракитника выскочили две мелкие взъерошенные дворняги с обрубленными хвостами и, деловито обнюхав мужчину, побежали впереди.

– У вас здесь что, собачья республика? – обескуражено спросил мужчина.

Один из черных псов, словно в подтверждение, отрывисто гавкнул и, подгоняя пленника, с силой ткнулся своей грозной мохнатой мордой ему под колено.

Дойдя до поворота, мужчина остановился. Метров через тридцать просека выходила на огромную пустошь. На её дальнем высоком, словно холм, краю виднелись размытые мутной пеленой дождя постройки, и оттуда, залиvisto лая, несясь добрый десяток разномастных псов.

– Интересно, а люди в вашей собачьей республике водятся? – скрывая испуг, невесело усмехнулся мужчина и, демонстративно не обращая внимания на кружащих вокруг него псов, придерживаясь едва заметной автомобильной колеи, неспешно пошел вперед.

Колея, пересекая пустошь, утыкалась в настоящую усадьбу, состоявшую из добротного бревенчатого дома на высоком каменном фундаменте, похожего на старинный купеческий терем с узорчатыми наличниками и вычурным коньком, и хаотично разбросанных вокруг него разномастных надворных построек и просторных собачьих вольеров. Посре-

ди двора, возле старого, картинно поросшего тонким зеленым мхом колодезного сруба, стояла невысокая симпатичная женщина лет пятидесяти с пышными светлыми волосами и добродушным улыбочивым лицом, одетая в яркий спортивный костюм и прозрачный клеенчатый дождевик. У ее ног, продолжая гордо сжимать в зубах суковатую палку, сидел пегий пес с оторванным ухом.

– Добрый день, хозяйка! – с трудом сдерживая рвущуюся наружу злость, поздоровался мужчина. – Зачем твои кобели меня в плен взяли?

– Добрый день! – широко улыбнулась женщина и шагнула навстречу неожиданному гостю. – За что же вы моих помощников так обижаете? Кобели в деревнях за суками бегают, а мои собаки людей не в плен берт, а из леса на дорогу выводят.

– Лучше бы они дома сидели и не мешали людям грибы собирать, – раздраженно проворчал мужчина. – А то мне теперь из-за них, как минимум, километра два лишних под дождем топать.

– Да какие сейчас грибы? Грибы уж все отошли, если только поздние опята, где остались. А мои собаки – они, хоть и ученые, а различить не могут, заблудился человек, или он грибы собирает. Вот они всех одиноких людей ко мне и ведут, – по-сельски простодушно затараторила хозяйка. – Лес, ведь, у нас большой, мобильники здесь не работают, заблудишься, так и не докричишься ни до кого. Вот мои собаки

и подрабатывают спасателями. И многие им за это спасибо говорят.

– От встречи с такими спасателями у человека инфаркт может произойти.

– Они у меня умненькие, хорошему человеку зла никогда не сделают.

– Тогда скажите вашим умненьким собачкам, – угрюмо произнес мужчина, – чтобы они не мешали мне возвращаться домой.

– А вы, похоже, не очень любите собак? – нахмурилась женщина.

– А за что мне их любить?

В памяти мужчины всплыли заснеженная тайга, скрипящие от мороза деревья, периметр лесной делянки, выделенный кровавыми метками флажков и настороженные псы с умными безжалостными глазами.

– И то верно, – неодобрительно согласилась хозяйка. – Половина людей не понимает и боится собак и поэтому все время норовит сделать им какую-нибудь гадость. А зря. Собака самое доверчивое и самое беззащитное существо на свете.

– Хм, особенно черный русский терьер, – скептически хмыкнул мужчина.

В те времена, когда он валил лес в вологодской тайге, этих легендарных собак там уже не было, но страшные байки о безжалостных кровожадных псах были одной из классических тем в рассказах старых зеков, заставших сталинские

лагеря.

– А что вы знаете о черном терьере?! – обиженно-резко вступилась за своих собак женщина. – Эту породу незаслуженно оболгали! На самом деле, черный терьер – самая умная и благородная порода сторожевых собак. Разве Дизель и Блейка сделали вам что-нибудь плохое?

– Я же говорю: мне из-за ваших умных и благородных собак теперь лишний час домой под дождем чапать.

– А зачем же вам пешком возвращаться? Если хотите, я вас на машине довезу, – сменив тон, примирительно улыбнулась женщина. – А вы, глядишь, тоже когда-нибудь бездомным собачкам чем-нибудь поможете. Я вот только суп им доварю, и мы сразу поедем.

– Спасибо, не надо беспокоиться. Вот вам на собачек, – мужчина достал из кармана несколько смятых сторублевков, – а я уж как-нибудь сам пешком дотопаю. Вы только псов своих придержите хотя бы полчаса.

Женщина презрительно посмотрела на протянутые ей купюры.

– Вы что же думаете, мы тут рэкетом занимаемся? Мы на самом деле людей спасаем. Про нас даже статью в районной газете написали, когда мои собаки с болота целую семью с детьми вывели.

– Ну, тогда вы меня извините, – заметно смутился мужчина. – Я местную прессу не читаю, в этот лес попал впервые и ничего про вашу благородную миссию не слышал.

– А вы сами, откуда будете?

– Садовое товарищество «Ручейки». Знаете такое?

– Ого! – удивленно подняла брови женщина. – Откуда вас принесло! Это если даже по прямой, через большой овраг, идти, и то три часа возвращаться придется!

– Если бы не ваши собаки, то я бы сейчас как раз через этот овраг перешел.

– Ничего, мы на УАЗе по старой просеке до ваших «Ручейков» за полчаса доедем.

Хозяйка, продолжая миролюбиво улыбаться, протянула гостю узкую, но не по-женски сильную руку.

– Меня зовут Нина Васильевна Бибикова. Я старший инспектор Семчевского лесхоза.

– Очень приятно, – уважительно кивнул головой мужчина, по достоинству оценив крепкое уверенное рукопожатие. – Дмитрий Тимофеевич Батырев – вышедший на пенсию коммерсант.

– Неужели, такое бывает? – наигранно удивилась Нина Васильевна.

– Как видите, бывает.

– Ну, тогда, пойдемте в дом. Выпьете чаю, обсохните, а через час я вас прямо до самых «Ручейков» довезу.

– Хорошо, – с напускным равнодушием согласился Батырев, который давно уже промок до нитки и на самом деле не имел никакого желания добираться до дома пешком.

Глава 2. Олег

– Телефон абонента выключен, или находится вне зоны действия сети, – неизвестно в какой раз повторил механический женский голос, и Олег Батырев, с досадой выключив трубку, продолжил внимательно изучать рассыпающуюся на отдельные листки, старую телефонную книжку.

– И что ты ищешь? – спросила его, только что принявшая душ и остановившаяся в дверях ванной комнаты жена Светлана.

– Телефон сторожей. С Батей уже почти неделю связи нет.

– А разве нам без него плохо? – Светлана уперлась руками в дверной косяк и, словно стриптизерша у шеста, вызывающе прогнулась.

– А ты думаешь, без него нам будет хорошо? – холодно парировал Олег.

– Да что с твоим Батей может случиться страшнее запоя? – беспечно ответила Светлана. – В первый раз что ли? Когда деньги кончатся, он сам объявится. А если ты так волнуешься, то чем его собутыльников искать, лучше тете Люсе позвони. Она всегда все знает: кто с кем пьет и кто кого...

– Уже звонил. Тетя Люся уехала с дачи еще в прошлую субботу и говорит, что Батя собирался пойти в дальний лес за грибами.

– Вот я и говорю: грибов свежих нажарил на закуску и за-

пил. Пойдем лучше спать, – Светлана, демонстративно покачивая бедрами, продефилировала по коридору в сторону спальни. На пороге она остановилась и послала Олегу воздушный поцелуй:

– Я тебя жду.

Телефон сторожа нашелся на странице с буквой «Н». На третьей строчке сверху аккуратным почерком матери было написано: Николай Михайлович – сторож, дача. Олег посмотрел на часы и, немного поколебавшись, набрал номер. Через два десятка гудков в трубке раздался недовольный заspanный голос.

– Слушаю.

– Здравствуй, Михалыч, это Олег Батырев. Извини, что так поздно, я твой телефон никак найти не мог. Чем там мой Батя занимается? Я до него уже пять дней дозвониться не могу.

– А он что, разве не у вас?

По спине у Олега пробежал неприятный холодок, а ладони, наоборот, неожиданно вспотели.

– Нет.

– Странно, а я думал, что он в город вернулся. Его с прошлого воскресенья нет. Дом заперт, свет по вечерам не горит, и самого нигде не видно. Правда, машина на участке осталась, но я подумал, что он на электричке уехал...

– Я сейчас выезжаю, – Олег отбросил телефон так, словно он обжёг ему руку, и с глухим стуком отодвинул дверь

встроенного шкафа.

– Ты чего?

Светлана вышла из спальни и недоуменно посмотрела на торопливо одевающегося мужа.

– Батя пропал.

– Он не ребенок: сегодня пропал, завтра найдется. Ты что, прямо сейчас его искать собрался?

– Да, прямо сейчас! – раздраженно бросил Олег и, не прощаясь, стремительно выбежал из квартиры.

По пустынному ночному шоссе он мчался так, словно судьба отца могла зависеть исключительно от скорости его внедорожника. Шедший весь день затяжной осенний дождь окончился совсем недавно, и редкие водители встречных машин, увидев буквально летящий над мокрым асфальтом узкого однополосного шоссе сумасшедший болид, торопливо прижимались к обочине и, покрутив пальцем у виска, многоэтажно матерились. Садоводческое товарищество «Ручейки» находилось на самом краю Московской области, практически на границе с соседней губернией, поэтому, когда меньше чем через час после телефонного звонка Михалыч услышал резкий сигнал пронесшегося мимо его сторожки автомобиля, то произнес единственную фразу:

– Ну, и не хрена себе!

Накинув на плечи давно потерявший форму вылинявший пуховик, сторож торопливо потрусил на другой край поселка к участку Батыревых. Во всех окнах непрезентабельно-

го дачного дома уже горел свет, а Олег курил, сидя прямо на влажных ступеньках широкого крыльца. Огонек тлеющей сигареты каждую секунду нервными фотовспышками выхватывал из темноты его мрачное посеревшее лицо.

– Ну, что? – одышливо дыша, спросил Михалыч.

– А ничего, – глухо ответил Олег. – Исчез Батя.

– Ну, слава тебе господи. Исчез – не умер, – перекрестился сторож. – А то я уж испугался, что он прямо в доме мертвый лежит.

– Я тоже.

Несколько минут оба молча курили.

– Ну, и куда же он мог деться? – прервал молчание Михалыч.

– А вот это я, как раз, хотел у тебя спросить. Ты же его последним видел.

– Сегодня у нас что? – задал сам себе риторический вопрос Михалыч и поднял сонно-затуманенные глаза к черному ночному небу, словно пытаюсь отыскать там какой-то звездный календарь. – Считаю, уже суббота. А я его видел утром в прошлое воскресенье. Он сказал, что собирается уезжать, но сначала хочет сходить за грибами. Я ему говорю, что в нашем лесу уже ничего нет, а Батя отвечает, что пойдет за овраг, в дальний лес. Мол, туда никто из наших не ходит, может там поздние опята еще и остались. А когда я вечером зашел, его уже... – сторож сделал паузу и задумался. – А может еще, не было. В общем, дом закрыт, света нет, а ма-

шина, – Михалыч указал на старенькую «Ниву» цвета недозрелого томата, – вот так и стоит с тех пор посреди двора. В тот день с обеда дождь начался, и похолодало сильно. Вот я и подумал, что он промок в лесу, дома выпил для согрева, да и уехал от греха подальше своим ходом на электричке.

– Люся тоже говорит, что Батя в дальний лес за грибами собирался. Получается, он туда ушел и исчез.

– Может, заблудился? – предположил Михалыч и сам едва не рассмеялся над своими словами.

– Батя и в тайге не заблудится, а уж в наших-то лесах... – хмуро ответил Олег. – А вот если с ним, не дай бог, какой-нибудь сердечный приступ случился.

– С чего бы? Он вроде на сердце никогда не жаловался.

– Это верно, здоровья у Бати еще на пятерых хватит, но все же семьдесят лет... и на кой черт ему понадобились эти грибы?

– Ты сейчас голову не ломай, а лучше ляг, поспи, – отеческим тоном посоветовал Михалыч. – А утром отправляйся в Семчево и подай в милицию заявление о пропаже человека. Может, менты чем-нибудь и помогут. Это их работа – людей искать.

– Спасибо за совет, – Олег поднялся со ступенек. – Спокойной ночи.

– Хочешь, у меня переночуй, – предложил сторож. – А то у тебя дом не топлёный.

– Ерунда, у меня спальник есть.

– Ну, как знаешь, – Михалыч аккуратно загасил окурки о подошву башмака и бесшумно растаял в антрацитовый темноте безлунной октябрьской ночи.

Вернувшись в дом, Олег еще раз обошел скромно обставленные самосборной «икеевской» мебелью комнаты. Две побольше – внизу, и две поменьше – наверху. Ничто не говорило о том, что отец запил. Не было ни разбросанных вещей, ни грязной посуды, холодильник был забит едой, и только большая хрустальная пепельница оцетинилась десятком длинных темно-коричневых окурков. Шесть дней назад отец просто оделся, взял корзину и ушел в лес. Ушел и с тех пор сюда не возвращался.

– Эх, Батя, Батя, – сокрушенно пробормотал Олег, залезая в спальный мешок.

Глава 3. Батя

Младший сын полковника Тимофея Батырева – Дима с детства отличался отменным здоровьем и решительным, волевым характером. Кочуя вместе с родителями по гарнизонам, не по годам развитый мальчик на каждом новом месте быстро завоевывал у сверстников не только авторитет, но и уважительное прозвище Батя, которое так и прилипло к нему на всю жизнь. «А этот сможет стать генералом», – радовался, глядя на мужающего младшего сына, стареющий полковник. Учился Дима хорошо, хотя круглым отличником никогда не был, много времени проводил в спортзале, занимаясь гимнастикой и баскетболом, и с удивительной легкостью организовывал любые общественные мероприятия, от сбора металлолома до праздничных концертов. Поэтому не удивительно, что не только отец, но и остальные обитатели военного городка прочили юноше блестящую армейскую карьеру. Одна только мать, глядя на уходящего в школу младшего сына, думала с тоской и тревогой: «Неужели и ты всю свою жизнь будешь болтаться по казенным квартирам бесконечных гарнизонов? А если будет еще одна война?». Отец же, лелея собственные честолюбивые планы, решил отправить Диму, в отличие от его старших братьев, не просто в ближайшее общевоинское училище, а в элитное Рязанское училище ВДВ. В семнадцать лет Дима Баты-

рев, держа в руках коричневый фанерный чемоданчик, попрощался с родителями на перроне крохотного райцентра в Центральном Черноземье и отправился в свое первое самостоятельное путешествие. Путь в Рязань лежал через Москву. Выйдя из поезда на Павелецком вокзале, молодой человек, впервые оказавшийся в большом городе, был буквально раздавлен мощью и размахом столицы. Он долго стоял посреди шумной привокзальной площади, восхищенно глядя на монументальные сталинские дома, магазины с зеркальными витринами, прикрытыми полосатыми полотняными тентами, и бесконечный поток машин, стремительно мчащийся по Садовому кольцу. Особенно его поразило количество беспечных и, на первый взгляд, абсолютно праздных молодых людей, одетых вместо военной формы в обычную гражданскую одежду. Кочевая гарнизонная служба, с ранних лет известная ему до самой неприглядной изнанки, никогда не привлекала Диму Батырева. Но только теперь, оказавшись в свободном одиночестве посреди огромной площади незнакомого, но такого заманчивого города, он окончательно понял, что никакая сила не заставит его добровольно обути сапоги и отправиться на пропахшие потом и порохом Рязанские полигоны. Решение, о том, как жить дальше, пришло совершенно неожиданно. Вместо того чтобы спуститься в метро и проехать три остановки до Казанского вокзала, Дима решительно направился к дежурившему на перекрестке сотруднику ОРУДа:

– Товарищ старшина, подскажите, пожалуйста, как мне пройти к ближайшему институту?

– Молодой человек, а какой именно институт вы ищите? – удивленно посмотрел на странного абитуриента пожилой милиционер.

– Любой. Главное, чтобы как можно поближе, – задыхаясь от собственной дерзости и боясь передумать, торопливо произнес Дима.

– Тогда идите сейчас прямо вдоль трамвайных путей до Стремянного переулка, а там еще три квартала направо.

– Спасибо, – молодой человек, размахивая маленьким фанерным чемоданчиком, со всех ног бросился в указанном направлении.

Через полчаса он уже писал заявление в приемную комиссию Академии Народного Хозяйства. Судьба в то лето на редкость широко улыбнулась отважному провинциалу и через три недели Дима Батырев, без всякого блата успешно сдав вступительные экзамены, неожиданно для самого себя стал студентом престижного столичного ВУЗа.

Тимофей Батырев, узнав, что его подававший такие большие надежды сын осмелился променять знаменитое десантное училище на гражданский институт с весьма неоднозначной репутацией, пришел в ярость: «Сын боевого офицера решил стать торгашом!». Приехав осенью в Москву, он целый час бушевал в деканате, требуя срочно отчислить Дмитрия Батырева из института. Получив решительный отказ, пол-

ковник в перерыве между лекциями нашел своего отступника-сына и со словами: «Ты опозорил честь нашей фамилии!» – на глазах у однокурсников дал ему пощечину. Юноша промолчал, но с этого дня надолго забыл о существовании отца.

В стране начиналась хрущевская оттепель, и древняя столица менялась прямо на глазах, без всякого сожаления сбрасывая с себя имперский официоз и холодное оцепенение сталинской зимы. Московская жизнь предлагала молодому человеку немало соблазнов, но взамен постоянно требовала денег. Практически все сокурсники Димы оказались детьми из достаточно обеспеченных семей, непринужденно извлекавшими немаленькие средства из бездонных родительских кошельков. Диме же, потерявшему всякую связь с домом, деньги приходилось зарабатывать. Он разгружал вагоны на Москве-Товарной, каждый месяц сдавал кровь и писал курсовые работы и рефераты для своих однокурсников, вскоре ставших уважительно именовать его Батей. Четыре года трудной, но увлекательной столичной жизни промелькнули для Димы как четыре дня. И только увидев в зачетке запись о переводе на пятый курс, он с горечью понял, что уже через год ему придется попрощаться с Москвой и уехать по распределению в какое-нибудь зачуханное РАЙ-ПО, в те края, где кончается география. Этого для себя честолюбивый молодой человек уже не мыслил. Единственной возможностью получить столичную прописку была женить-

ба. Несмотря на то, что высокий красивый, с доставшейся в наследство от отца военной выправкой Дима пользовался успехом у многих однокурсниц-москвичек, ничьи родители не горели желанием видеть у себя в доме безродного зятя-провинциала. И тут судьба снова ослепительно улыбнулась молодому человеку. В парикмахерской рядом с институтом появилась молоденькая симпатичная практикантка Катя, и Дима впервые в жизни по-настоящему влюбился. Девушка оказалась сиротой, что сильно сблизило ее с Димой, не получившим из дома за четыре года ни одного письма, и к Новому году он переехал из общежития в её небольшую комнатку в деревянном бараке в районе Кожухова. Получив вожделенную московскую прописку и распределение в столичный торг «Гастроном», Дима ушел в армию. Для молодого человека, большую часть жизни прожившего в военных городках, два года службы не были большой трагедией. К тому же, благодаря продолжавшемуся невероятному везению, он попал служить в ближнее Подмосковье и мог едва ли не каждую неделю видеться с Катей. За время службы барак, в котором она жила, снесли и, демобилизовавшись, Дима вернулся в маленькую, зато отдельную, однокомнатную квартиру в Черемушках и получил место заведующего рыбным отделом в недавно открывшемся большом «Гастрономе» на одном из центральных проспектов столицы. На новом месте, как и везде, молодой специалист, ставший в армии кандидатом в члены КПСС, быстро завоевал всеобщий авто-

ритет и неизменное прозвище Батя, к которому за твердость характера со временем прибавился эпитет Железный. Через год у него родился сын Олег, а еще через два он путем довольно сложного обмена перебрался из крохотной однушки в Черемушках в новую двухкомнатную квартиру на Таганке, которую позже, став самым молодым директором магазина, поменял на шикарную стометровую трешку в престижном старинном доме в районе Чистых Прудов.

Однажды ранним утром накануне тридцатилетнего юбилея Победы на пороге этой огромной, только что отремонтированной квартиры в парадном кителе, украшенном несколькими рядами орденских планок, неожиданно появился Димин отец.

– Ну, здравствуй, сын, – протянул он, как ни в чем не бывало, крепкую широкую ладонь. – Вот пригласили меня на старости лет в Москву парад посмотреть, с однополчанами встретиться. А я думаю, дай заодно зайду, погляжу, как тут мой отщепенец в столице устроился.

– Ну, здравствуй, отец, – так же спокойно ответил Дмитрий Батырев. – Рад, что ты жив-здоров. Заходи, наводи рефизию.

Стоявшая за спиной мужа Катя, превратившаяся за эти годы из скромной незаметной парикмахерши в ухоженную самоуверенную жену директора крупного гастронома, вспыхнула и отвернулась. Потерявшая в войну всех своих родственников и с двух лет воспитывавшаяся в детском до-

ме, она искренне не понимала, как можно без малого двадцать лет не общаться с собственным сыном.

Обставленная с помпезной роскошью квартира поразила отставного полковника.

– Все-таки ты сумел стать генералом, – уважительно произнес он, выйдя во двор и придирчиво разглядывая белую «Волгу» Батырева-младшего.

Правда, на следующий день, побывав на недавно приобретенном в Серебряном Бору огромном лесном участке, старый полковник, не удержавшись, неодобрительно покачал седой головой:

– Ты все-таки осторожней шагай, а то так можно и штаны порвать.

Стоявшая рядом Катя тут же отошла в сторону и, трижды постучав по монументальному стволу вековой реликтовой сосны, сплюнула через левое плечо.

С этого момента Тимофей Батырев стал регулярно приезжать на майские и ноябрьские праздники в Москву, а следом за ним объявились и молчавшие по его суровому приказу мать и братья. Железный Батя помогал всем. Он регулярно высылал родителям увесистые посылки с продуктами, приобретал невесткам по спискам необходимые вещи, устраивал в институты племянников, племянниц и каких-то совсем уж неведомых ему родственников. Эта уверенная и беспечная жизнь прервалась с приходом к власти всесильного главы лубянского ведомства, занявшегося восстановлением со-

циальной справедливости и обратившего пристальное внимание на живущий явно не по средствам обособленный мир советской торговли. В Москве директора торгов, баз и крупных магазинов один за другим стали перебираться из своих просторных кабинетов в тесные камеры Лефортовского следственного изолятора. Железный Батя, за двадцать лет работы превративший свой «Гастроном» в предприятие образцового обслуживания и установивший в нем почти военную дисциплину, не очень беспокоился по поводу идущей по Москве беспрецедентной зачистки. Он не вел никакой хитрой двойной бухгалтерии, все держал в уме, лично контролировал весь левый доход, получаемый за счет норм естественной убыли и пересортицы, и собственноручно раскладывал по конвертам еженедельную «премию» всех работников магазина, включая грузчиков и уборщиц. Не забывал Батя и регулярно отчислять изрядные суммы вышестоящему начальству из торгова и различным проверяющим организациям. Такая жесткая система личного контроля страховала директора от какой-либо неуправляемой самостоятельности со стороны подчиненных, а с рядовых сотрудников снимала большую долю ответственности в случае каких-либо проколов. По приказу Бати приносившая практически всю «левую» прибыль выносная лотошная торговля была на несколько месяцев свернута, и прошедший в магазине ряд неожиданных дотошных ревизий, никаких серьезных нарушений не выявил. Батя уже облегченно вздохнул, решив, что

все обошлось, как вдруг одна, смертельно на него обиженная и перепуганная все еще продолжающимися в торге арестами, многолетняя сотрудница отдела заказов после работы отправилась не домой, а в районный отдел БХСС, где попросила оформить ей явку с повинной.

Дмитрия Батырева демонстративно арестовали на следующее утро прямо около дома, на глазах у соседей. Оказавшись в неудобном казенном кабинете и столкнувшись там лицом к лицу с дрожащей от страха подчиненной, он все понял и, неожиданно для самого себя, пойдя на поводу у молодого напористого следователя, стал давать признательные показания. Однако уже через пару часов Батя одумался, от всех своих слов отказался и заявил, что его нагло и бессовестно оклеветали.

– Поздно, Батырев, – усмехнулся следователь, захлопывая пока еще тонкую бумажную папку с двумя протоколами. – Теперь отказ и дальнейшее заперительство только усугубят вашу вину.

Несмотря на предупреждение, с этого момента Батя ушел в глухой отказ и поступил правильно потому, что другие раскаявшиеся грешники вроде Соколова, Амбарцумяна и Алешина, словно по экспресс-почте, получили стандартные, торопливо исполненные расстрельные приговоры. Те же, кто настырно изматывали следователей своим упорным отрицанием очевидных фактов и сумели, пережив двух генсков, дотянуть до перестройки остались живы, хотя и получили

немалые сроки. Так и не признав своей вины за три года нудного и противного, словно недоваренный комкастый кисель следствия, Дмитрий Батырев получил двенадцать лет с конфискацией и отправился на лесоповал в глухую Вологодскую тайгу. На зоне он, сидевший до этого в спокойной трехместной камере с такими же расхитителями социалистической собственности, сразу попал под жесткий прессинг со стороны блатных, вполне резонно решивших, что у осужденного барыги должны остаться на воле какие-нибудь заначки. Батырев держался стоически, за что и здесь умудрился получить прозвище Железный Батя, а вскоре в зону пришла малява, из которой следовало, что и в воровском мире у него ещё остались сильные и влиятельные знакомые. Батю оставили в покое, и он девять лет угрюмо валил лес, ни с кем особо не корешась, но и не сильно отдаляясь от народа. В начале девяностых, когда развалилась страна, а вместе с ней и социалистическая экономика, Батя послал в Министерство юстиции письмо с просьбой о пересмотре дела. Через три месяца его вызвал начальник колонии и, собственноручно передав ему присланный из Москвы отказ, предложил написать прошение об условно-досрочном освобождении.

– Пиши, – подполковник положил на стол обгрызенную шариковую ручку и чистый лист бумаги, – и через три месяца будешь на свободе.

– Я не считаю себя виновным. УДО мне не нужно, мне нужен только оправдательный приговор, – твердо ответил Батя.

– Да кто же тебе его вынесет?

– Верховный суд!

– Дурак ты, Батырев, – удручённо покачал головой подполковник.

Батя еще несколько раз безрезультатно писал в Минюст, и в результате, отсидев свой срок от звонка до звонка, вернулся в Москву накануне пятидесятилетия Победы.

– Извините, что без подарков, – смущенно улыбнулся он на пороге, словно вернулся не с вологодского лесоповала, а из зарубежной командировки. Потом он быстро и молча поел, принял душ и, впервые за двенадцать лет, лег спать в отдельной комнате на пахнущей весенней свежестью, хрустящей постели. Проспал Батя почти сутки, до самого парада. А, проснувшись, включил телевизор и на весь день впал в несвойственную ему ранее рефлексию.

– Как же это так, господа хорошие, получилось? – с диссидентской неприязнью бормотал он, с трудом узнавая на мутном рябющем экране собравшихся на Поклонной горе президентов новых независимых государств. – Вы строй изменили, свое прошлое вместе с партбилетами и старым УК похоронили, а мне судимость, как позорное клеймо, до самого конца жизни оставили.

После двенадцатилетней отсидки, сбросившей его с олимпийских вершин на самое дно жизни, Батя воспринял разоренный и непритязательный домашний быт, как само собой разумеющееся. Теперь в стометровой трехкомнатной квар-

тире с окнами на Чистопрудный бульвар кроме его жены и сына жили еще невестка Светлана и семилетний внук Митя. И изо всех углов этой некогда роскошной квартиры на Батыева смотрела вызывающе демократичная нищета. В просторных комнатах вместо конфискованной антикварной мебели стояли старые, приобретенные в комиссионке вытертые диваны и аскетичные шифоньеры, в кухне вместо благородного коричневого «Розенлева», надсадно хрипел допотопный «Саратов», а со старинных лепных потолков осыпалась желтоватая яичная штукатурка, обнажая посекшуюся лубяную обрешетку.

– Разруха, как после войны. Надо как-то все это восстанавливать, – задумчиво произносил он, поддевая ногтем отслоившийся кусок выцветших обоев.

Несколько дней Батя как ребенок бесцельно бродил по изменившимся до полной неузнаваемости бульварам, слушая уличных музыкантов и удивленно останавливаясь возле заставленных красочными бутылками уличных ларьков.

– Раньше по статусу ниже котлетных и бутербродных были только станционные буфеты. Так в них хоть портвейн в разлив продавали, а тут? – презрительно морщился он, разглядывая длинную очередь, вытянувшуюся к стойке «Макдоналдса». – Те же котлеты, но без бухла.

По вечерам Батя закрывался в спальне и часами разговаривал по телефону с какими-то старыми друзьями. Потом он выходил на кухню, выпивал без закуски стакан водки и разо-

чарованно махал рукой:

– Надо же, как их всех жизнь искалечила.

Домашние молчали и на всякий случай согласно кивали головами, не решаясь объяснить живущему старыми понятиями главе семейства, что теперь его социальный статус ничуть не выше, чем у любого привокзального попрошайки.

Как-то в самом конце мая, после очередных телефонных переговоров, Батя вышел на кухню красный как рак и, привычно выпив стакан водки, негромко произнес:

– Значит так: будем считать, что никаких старых друзей у меня больше не осталось, поэтому бизнес будет исключительно семейный. Ты, Олег, завтра к восьми утра оденься по походному – поедешь со мной в лес.

– Зачем? – хором спросили женщины, в глазах которых застрял тревожный вопрос: «А это не опасно?»

– Не пугайтесь, обычная прогулка в весенний лес, – неуверенно успокоил Батя жену и невестку. – Мы вам оттуда настоящего березового сока привезем.

Женщин такой нелепый ответ насторожил еще больше, но от дальнейших вопросов они благоразумно воздержались.

На следующее утро, едва выйдя из дома, Батя стал подробно расспрашивать Олега о Светлане и об их отношениях.

– Слушай, отец, – через полчаса не выдержал допроса Батырев-младший, – Света – моя жена. Мы знакомы с ней еще с института. Я не знаю, что тебе рассказала о ней мать, но у нас прекрасные отношения: мы до сих пор любим друг

друга, что еще надо?

– Это конечно хорошо, – усмехнулся Батя, – но, мой личный опыт подсказывает, что и любовь и дружба очень часто заканчиваются там, где начинается бизнес.

– Какой такой личный опыт? Разве мать тебя когда-нибудь подставляла? – скептически спросил Олег.

– Я однажды видел, – жестко ответил Батя. – Видел, как сначала бизнес сломал любовь, а потом любовь сломала бизнес. Твоя мать никогда меня не подставляла, она ждала двенадцать лет, и я могу положиться на нее во всем. А ты на свою Свету?

Олег неопределенно пожал плечами. Мать, действительно, словно Пенелопа своего Одиссея, мужественно дожидалась сидевшего в лагере Батю, отгородившись от мира стеклянной стеной безразличия. Она регулярно писала ему пространные письма и за двенадцать лет не пропустила ни одного разрешенного свидания. Но почему нужно сравнивать ее и Свету? Какой вред Света может нанести еще не родившемуся семейному бизнесу?

Они сошли с электрички на тихой станции в двадцати километрах от Москвы там, где когда-то была дача одного из Батиных заместителей и, обойдя стороной поселок, в который раньше каждое лето приезжали в гости на обильные дружеские шашлыки, углубились в уже по-летнему густозеленый лес. Батя шел легко, уверенно и быстро, Олег едва поспевал за ним. На дальнем краю леса, в разрываемой соло-

вынытыми трелями березой роще, Батя остановился и, достав компас, стал определяться по одному ему известным и совершенно неразличимым на посторонний взгляд приметам на одинаковых белых стволах. С упорством заядлого кладоискателя он тщательно ощупывал одно взрослое дерево за другим. Выбрав, на его взгляд, нужное, вслух отсчитывал шаги сначала на север, потом на восток, выкапывал, принесенной в рюкзаке саперной лопаткой, обширную воронку и, разочарованно махнув рукой, начинал все сначала.

– Как же здесь все за эти годы изменилось, – рассеянно вздыхал Батя, принимаясь за очередную яму. – Все мои зарубки заросли...

Наконец, когда стало похоже, что рощица совсем недавно подверглась жестокому минометному обстрелу, в неизвестно какой по счету воронке, раздался противный металлический скрежет.

– Слава богу, кажется, нашел.

Батырев-старший вывернул из черной влажной земли глухо позвякивающий куб, плотно замотанный синей синтетической изоляцией и протянул его сыну. Олег небрежно принял находку одной рукой и едва не уронил ее себе на ногу, куб был словно налит изнутри свинцом.

– Что это?

– Заначка на черный день, – гордо вскинул голову Батя, доставая из другой воронки еще один куб размером поменьше. – Вот теперь можно всерьез подумать о собственном де-

ле.

– Вот это и есть наш первоначальный капитал, – торжественно произнес он вечером и, разрезав изоляцию, небрежно вытряхнул из жестяной чайной банки на кухонный стол масляно-желтую россыпь безликих обручальных колец. Во второй банке оказались золотые часы, несколько массивных браслетов, увесистая пачка абсолютно бесполезных чеков «Внешпосылторга» вперемешку с сотенными советскими купюрами, и тощая стопочка долларов и дойчмарок, завернутая в несколько целлофановых пакетов.

– Не обольщайтесь, – сухо предупредил Батя, уловив возбужденные взгляды женщин. – На самом деле, это не бог весть какие деньги и распорядиться ими нужно очень разумно.

Он снова засел за телефон, и через пару месяцев четыре килограмма золотых обручальных колец превратились в небольшую парикмахерскую на Бульварном кольце. Дмитрий и Олег Батыревы стали учредителями ООО «Нимфа», а Екатерина Петровна и Светлана – генеральным директором и главбухом. Несмотря на внешне разительные перемены в социальном статусе, внутри семьи по-прежнему царил режим жесткой экономии. Единственным личным приобретением Бати была пятидверная «Нива», на которой он привозил в салон расходные материалы и изредка ездил на крошечный садовый участок за сто тридцать километров от города. Но в год, когда семейное предприятие, наконец, твер-

до встало на ноги и из заурядной парикмахерской разрослось до четырёх люксовых косметических салонов, а Дмитрий Батырев торжественно объявил, что с эпохой экономного аскетизма покончено навсегда, совершенно неожиданно от острого лейкоза умерла Катя.

Скоропостижная смерть жены сильно изменила жизнелюбивый характер Бати. Он замкнулся, перестал интересоваться бизнесом и, практически отойдя от дел, большую часть времени стал проводить на далеком садовом участке, перемежая бессистемное копанье в грядках с бессмысленными недельными запоями. Единственным, что возвращало Батю к жизни и вновь делало душой компании, был субботний преферанс с несколькими лагерными друзьями, но и на эти нечастые ночные посиделки он в последнее время являлся через раз. Олег сначала пытался как-то растормошить отца, вытащить его из состояния мрачной мизантропии, но Батырев-старший только мрачно отшучивался, говоря, что его взаимный роман с жизнью окончен, и все глубже уходил в себя. В конце концов, Олег решил, что время лучший лекарь, и стал терпеливо ждать, когда же оно поможет Бате пережить невосполнимую утрату. И вот теперь, когда в размеренной и спокойной жизни Олега неожиданно назрели какие-то серьезные, возможно крайне неприятные перемены, Батя ушел в лес и не вернулся. А вдруг это самоубийство? Отец как-то говорил, что хотел бы не умереть, а бесследно исчезнуть, чтобы не доставлять никому лишних хлопот. Олег провел

ладонью по лбу и с силой надавил пальцами на виски, отгоняя вздорную мысль.

Глава 4. Олег

В желтой деревянной коробочке с растрескавшейся лаковой крышкой компаса не было – значит, Батя действительно ушел в дальний лес. Не было ни старой армейской фляжки, ни цветастого китайского термоса. Олег достал из холодильника две бутылки минералки, нарезал десяток бутербродов с колбасой и сыром, положил еду в небольшую дорожную сумку и, походив в раздумье по веранде, добавил туда большой кухонный нож, аккумуляторный фонарик, зимнюю тельняшку и тёплый самовязанный свитер. Когда он вышел на крыльцо, в кармане его плотной брезентовой штормовки беспокойно затрепыхался мобильный телефон.

– Привет! Ну как там твой Батя? – раздался в трубке веселый голос Светланы.

– Никак, – угрюмо ответил Олег.

– Что значит никак?

– То и значит никак. Ещё в воскресенье ушел в дальний лес за грибами и с тех пор назад не вернулся.

– Он что совсем плохой был? Какие грибы в октябре месяце?

– Откуда я знаю? – раздраженно буркнул Олег. – Михалыч говорит, что с утра Батя был трезвый. Собирался поискать опят в дальнем лесу, а вечером вернуться в Москву.

– А ты в полицию сообщил?

– Сообщил, – Олег досадливо сплюнул себе под ноги. – Только время потерял. Подавать заявление, оказывается, нужно только по месту прописки.

– И что ты теперь будешь делать?

– Сейчас сам быстренько пробежусь вокруг поселка хотя бы по ближнему лесу, а к вечеру вернусь домой.

– Мы сегодня собирались к Лепешевым, – напомнила Светлана.

– Придется отменить. Позвони, извинись. Ну, все, целую, до вечера, – Олег с досадой дотронулся до кружка с красной трубкой.

Напоминание об утренней поездке в полицию райцентра Семчево, вызвало в нем прилив тяжелого бессильного раздражения. Услышав о пропаже в местном лесу человека, дежурный старший лейтенант состроил скорбную мину и, чертыхнувшись, велел писать заявление, но, выяснив, что Батя не местный житель, а всего лишь дачник, обрадовано заявил, что обращаться в таком случае надо по месту регистрации. Напрасно Олег пытался добиться от него хоть какой-нибудь помощи.

– Ваш отец звонил из леса? Говорил, что заблудился, просил о помощи?

– Нет.

– Тогда, почему вы решили, что он пропал именно в лесу? Ведь никто своими глазами не видел, что он ушел именно в лес. Может, он выпил с утра, плюнул на эти грибы, сел

на электричку, да и поехал в Москву. А с нетрезвым человеком в дороге всякое может приключиться.

– А почему вы решили, что он с утра выпил? – обалдело спросил Олег.

– Потому что нормальный трезвый человек за грибами в ваш лес не только в октябре, но и в августе не пойдет. Там даже в разгар сезона никаких грибов нет.

– Вообще-то отец собирался пойти за овраг в дальний лес.

– Ах, в дальний лес! – широко развел руками старлей. – Ну, там городскому человеку заблудиться – раз плюнуть. И если с вашим отцом там что-то случилось, то чтобы его найти понадобится как минимум рота солдат. А мы не обязаны искать заблудившихся в лесу людей, попробуйте обратиться к спасателям из МЧС. Но и они вряд ли смогут вам помочь. Поэтому не тратьте зря времени, возвращайтесь в Москву и пишите заявление в своем родном отделении. И позвоните в областное Бюро регистрации несчастных случаев. Может там что-нибудь знают...

Продиктовав телефон, полицейский облегченно замолчал, и некоторое время пристально всматривался в лицо Олега, словно решая, стоит ли делиться с ним какими-то своими чрезвычайно важными соображениями. Наконец, он поднялся из-за стола и, картинно облокотившись на стойку, словно персонаж трафаретного детективного сериала, произнес заговорщическим полупшепотом:

– Мне кажется вся эта история с походом в лес конкрет-

ная лажа. Вы сказали – ваш отец коммерсант. Вот в этом направлении и ищите: друзья и враги, конкуренты и любовницы, долги, займы и кредиты. В основе любого преступления лежат деньги. Вот так.

Разобравшись с беспокойным посетителем, Семчевский пинкертон устало зевнул и, вернувшись к столу, удовлетворенно откинулся в своем кресле.

– И на том спасибо, – разочарованно покачал головой Олег и, выйдя из отделения, набрал телефон областного БРНС. Вежливая девушка-инспектор внимательно выслушала его и, записав приметы Дмитрия Батырева, через минуту сообщила, что за последнюю неделю никакая информация о нем, или похожем на него мужчине в Бюро несчастных случаев не поступала, но если появятся какие-либо сведения, то Олегу непременно перезвонят. Так же как и лейтенант, она посоветовала немедленно обратиться в ОВД по месту жительства.

Субботнее утро было бездарно потеряно, близился полдень, и времени для поисков оставалось совсем немного.

Уже наполовину растерявший листву тихий и прозрачный ближний лес был исхожен местными жителями вдоль и поперек, и разыскивать в нем отцовские следы было откровенно глупо. Поэтому Олег сразу пошел кратчайшей дорогой к широкому оврагу, отделявшему Дальний лес от Ближнего. С немалыми усилиями преодолев по скользкой извилистой тропке крутые, заросшие давно усохшими кустиками

лесной земляники склоны оврага, он выбрался в просторную дубовую рощу и в нерешительности остановился: узкая тропинка бесследно исчезла в пышном ковре бумажно шуршащих листьев. Наверное, только легендарный куперовский Зверобой сумел бы догадаться, куда идти дальше. Методично разбрасывая ногами опавшие желтые листья, Олег дважды прошел из края в край сонной дубравы и, не обнаружив никаких следов исчезнувшей тропинки, убедился в полной бессмысленности своих поисков. Отсюда Батя мог пойти куда угодно, и найти его спустя неделю в начинавшемся за дубовой рощей огромном лесу было так же невероятно, как угадать тройной экспресс в тотализаторе. Олег, бесцельно осматриваясь по сторонам, вернулся к оврагу и, сделав первый шаг на скользкую крутую тропинку, остолбенело замер. Прямо под его ногами лежал расплющенный тёмно-коричневый окурок с двумя синими полосами на длинном кингсайзовом фильтре. Именно такие дорогие и невероятно крепкие сигариллы курил после отсидки Батя. И, значит, он здесь был! Сунув сырой разваливающийся окурок в карман, Олег развернулся и, словно мальчишка, стремительно и безоглядно помчался назад через гулкую оголившуюся дубраву вглубь дальнего леса. Через каждые полминуты он останавливался и, приставив ко рту сложенные рупором ладони, громко выкрикивал:

– Батя, ау! Ты где?!

Олег бесконечно долго брел в какой-то ослепитель-

но-безумной горячке, не разбирая пути, разнося в прах трухлявый валежник и спотыкаясь на бородавчатых кочках, бессистемно поворачивая то вправо, то влево, и крик его далеко разносился по молчаливому осеннему лесу. Остановился он, только наткнувшись на огромную россыпь переросших, уже покрывающихся густой коричнево-серой слизью опят. Батя, как обычно, был прав – неделю назад в лесу ещё были вполне съедобные грибы. Но, похоже, тогда ему в первый раз в жизни по-настоящему не повезло. Глядя на гниющую колонию грибов, Олег, наконец, пришел в себя. В помертвелом холодном лесу уже сгустились стремительные осенние сумерки – часы показывали половину шестого. В это время он уже должен был выехать домой, а вместо этого стоял посреди незнакомого враждебного леса над россыпью гниющих опят, и не имел ни малейшего представления в какую сторону ему идти дальше. Дрогнувшей рукой Олег достал из кармана мобильник, и его худшие опасения сразу же подтвердились. На переливающимся мёртвенно-бледном дисплее не было даже логотипа оператора.

Дурак! Старлей был абсолютно прав: заблудиться в этом лесу – раз плюнуть, а найти человека или его следы – абсолютно нереально. Из Семчево надо было, не заезжая в «Ручейки», сразу же возвращаться в Москву!

Где-то далеко-далеко за спиной у Олега, едва различимый и размытый неопределяемым расстоянием, слышался шум быстро проходящего поезда. Он развернулся, зата-

ил дыхание и постарался поточнее запомнить направление убегающего звука. Через несколько секунд шум поезда окончательно слился с мягким шелестом дрожащих на ветру листьев, и Олег быстро пошел туда, откуда, как ему казалось, только что доносился далёкий стук вагонных колес. Через каждые десять минут он останавливался, задерживал дыхание и долго, до звона в ушах присушивался, надеясь различить звук следующего состава. Очень скоро в лесу окончательно стемнело, и Олег включил аккумуляторный фонарик. От влажной после недавно прошедших дождей травы поднимался легкий призрачный пар, превращавший лес в нереальную киношную декорацию. Поездов больше не было слышно: либо они двигались теперь гораздо медленнее, либо Олег выбрал неверное направление. Через пару часов у него под сапогами зачавкала черная вязкая жижа, и Олег вышел из леса на торфяное болотце, поросшее невысоким редким кустарником и чахоточными корявыми деревьями. Благодаря пробивающемуся сквозь быстро бегущие рваные облака жидкому лунному свету, болотце просматривалось достаточно хорошо, и он решил идти дальше по нему, придерживаясь опушки мрачного ночного леса. Здесь дул обжигающе холодный ветер, и тонкие деревца зябло звенели засохшей на ветвях лиственной бижутерией. Олег, зубы которого очень скоро начали выстукивать звучную морзянку, надел поверх рубашки предусмотрительно захваченные из дому зимнюю тельняшку и шерстяной свитер. Еще через час, ко-

гда Олег уже смертельно устал выдерживать сапоги из клейкой торфяной жижи и стал всерьез задумываться о ночевке в лесу, липкая грязь под ногами сменилась упругим, словно батут дерном, и он вышел на подёрнутую влажной дымкой огромную пустошь. Дальний высокий, словно холм, край пустоши был подсвечен белым электрическим сиянием, и оттуда доносился редкий собачий лай. Приободрившийся Олег обрадованной трусцой поспешил к этому призрачному жилью.

Вблизи оно оказалось довольно обширной усадьбой, состоящей из большого жилого дома и десятка надворных построек, освещенных установленными на высоких столбах мощными прожекторами.

– Наверное, это какой-то лесничий кордон, – обрадовано подумал Олег и неожиданно увидел выросшего перед ним словно из-под земли мощного рыже-белого пса с тяжелой оскаленной мордой.

Олег прекрасно знал, что от собак никогда не стоит убежать, но унять свой страх и природный инстинкт не сумел. Несколькими кенгуриными прыжками он, почти не касаясь земли, долетел до ближайшей осины, и уже через пару секунд, отчаянно вцепившись в ствол, раскачивался на самом верхнем суку, с ужасом глядя на глухо рычащего и плюющего слюной пса. Вскоре к нему присоединились несколько немолодых потасканных дворняг. Особенно активно тявкала какая-то одноухая, крайне разбойного вида шавка.

– Эй, хозяйева, помогите! Уберите своих собак! – срывая голос, прокричал Олег в сторону усадьбы.

В ответ под деревом поднялся такой лай, что на лесной опушке, передразнивая собак, заухали филины, однако из дома выходить никто не поторопился. Наоборот, все освещавшие двор прожектора неожиданно погасли, и только минут через пять, между сараями заметался луч холодного белого света, и к осине направилась невысокая женщина, державшая в левой руке мощный поисковый фонарь, а в правой поднятый вверх охотничий карабин.

– Пират, Пилигрим, что здесь происходит? Почему такой шум среди ночи? – спросила она у псов так, словно те могли ей ответить.

Не на шутку разбушевавшиеся собаки мгновенно замолкли, а задиристый одноухий пес подбежал к хозяйке и, задрав морду к верхушке осины, несколько раз отрывисто тьякнул. В тот же миг в лицо Олегу ударил слепящий луч фонаря.

– А у нас оказывается гость! Только зачем же вы на дерево залезли? От собак не надо убегать, это их только злит. Надо было стоять на месте и ждать меня, – укоризненно произнесла женщина.

– Да от меня за это время остались бы только рожки да ножки! – возмущенно выкрикнул в ответ Олег.

– Ничего бы мои собаки вам не сделали. Они у меня обученные.

– У них на мордах не написано обученные они или негра-

мотные!

– Ладно, слезайте, пока не окоченели. А то ещё, не дай бог, свалитесь.

– А вы сначала собак своих уберите.

– Я же говорю, они вам ничего не сделают, – женщина ласково потрепала по холке рыже-белого волкодава. – Не нервничай Пилигрим – это наш новый гость...

Боязливо косясь на сгрудившихся вокруг своей хозяйки псов, Олег стал осторожно спускаться с дерева.

Глава 5. Светлана

Светлана Батырева, не привыкшая бездельничать и ходившая на работу даже по субботам, сидела в своем кабинете в состоянии легкой растерянности. Мало того, что из-за исчезновения Бати сорвалась еще месяц назад запланированная встреча с Лепешевыми, так теперь и Олег куда-то пропал. Исчезновение Бати не очень волновало Светлану – после смерти Кати он в глазах невестки превратился в бессмысленную обузу как в бизнесе, так и в личной жизни. В деятельности семейного предприятия он никакого участия больше не принимал, месяцами безвылазно ковырялся в грядках и пил водку на даче, а в Москву возвращался в самые неподходящие моменты, как, например, в середине лета во время ее единственной домашней встречи с Тошей. Так, что если Батя действительно сдуру ушел в конце октября в лес за грибами, и там его разорвали оголодавшие бродячие собаки, или укусила какая-нибудь болотная гадюка, то печаль Светланы о его безвременной кончине была бы легка и беззаботна. Другое дело Олег. Почему он уже полдня не выходит на связь, а его телефон всё время находится вне зоны доступа? Чем он занимается, и почему до сих пор не вернулся? Субботний вечер бывает только раз в неделю, и проводить его в скучном одиночестве Светлане не хотелось. Лежавший на столе телефон замерцал зеленым светом и, вибрируя, по-

полз по гладкой столешнице, наигрывая легкую и прозрачную мелодию из «Служебного романа», – звонил Тоша.

– Привет, Вета, как дела, какие планы на вечер?

В свингер-клубе, где они познакомились, было принято представляться какими-нибудь псевдонимами. Светлана, недолго думая, просто выбросила из своего укороченного имени заглавную букву С. Имя Вета, на ее взгляд, звучало очень интригующе и сексуально.

– Никаких планов. Олег ещё вчера вечером уехал на дачу и до сих пор не вернулся.

– Значит, сегодня вас в клубе не будет?

Светлана хотела зачем-то подробно ответить, что если бы Олег был сейчас в Москве, то в клубе их сегодня точно бы не было, но вовремя сдержалась.

– Значит, не будет.

– Жаль... А хочешь, я пойду с тобой вместо него?

Женщину даже передернуло от такого дерзкого предложения. Подчиняясь неписаным, но очень разумным правилам, Светлана с Олегом, как и другие супружеские пары, всегда приходила в клуб вместе.

– По-моему, это не самая хорошая идея.

– Согласен. Тогда давай встретимся где-нибудь вдвоем, – настойчиво продолжал Тоша. – Мне очень хочется тебя...

Дальше последовало несколько непристойностей, от которых по телу женщины пробежала легкая приятная дрожь.

– А где?

– Есть у меня одно классное место, сейчас я договорюсь и тебе перезвоню. О кей?

– О кей.

Испытав непривычное возбуждение от этого тривиально-похотливого предложения, Светлана закрыла глаза и расслабленно откинулась в кресле.

В первый раз Тоша появился в клубе этой весной, и она сразу же почувствовала какое-то почти животное стремление к этому крепко скроенному неандертальцу, похожему на молодого Шварценеггера времен «Качая железо» и «Конана-варвара». Он пришёл без пары, и Светлана сама пригласила Тошу на танец, а потом, не обняв за талию, увела в сауну. Она не ошиблась – молодой человек оказался потрясающим любовником, но самым удивительным было то, что они, несмотря на двукратную разницу в возрасте, неожиданно серьёзно запали друг на друга. Светлана по печальному опыту некоторых знакомых пар хорошо знала, что возникающие между случайными любовниками серьёзные чувства приводят только к лишним проблемам и неприятностям, но ничего не могла с собой поделать. Всякий раз, увидев в клубе Тошу, она уединялась именно с ним, а вскоре, нарушив основное правило свингеров, – только публичный секс и ничего личного – согласилась на встречи наедине. Так продолжалось уже почти полгода, и после каждой публичной встречи в клубе, или оплаченного Светланой тайного свидания в почасовом отеле «Подушкин», она, испытывая незнакомое ра-

нее моральное похмелье, всерьез решала, что это было в последний раз. Но проходило не более трёх дней, как эти решительные намерения таяли, словно проливающееся грибным дождем легкое летнее облако, и Светлана снова стонала и извивалась во властных объятиях своего молодого и темпераментного партнера. Так произошло и на этот раз.

Светлана рассеянно посмотрела на телефон и набрала номер сына. Прошла почти вечность, пока самый младший Батырев соизволил поднять трубку, и в динамик, перекрывая его вялое «Алло», выплеснулся невнятный речитатив какого-то маргинального хип-хопа.

– Дима, ты меня слышишь?! – прокричала она в трубку.

Музыка утихла, и послышались возбуждённые молодые голоса.

– Здравствуй, мам! Что-нибудь случилось? – без лишних предисловий спросил Дима.

От такого прямого вопроса Светлана даже растерялась.

– Да вроде пока ничего, – неуверенно ответили она. – Просто хотела узнать, как у тебя дела? Когда мы встретимся?

– У меня все хорошо. Сегодня я, наконец, сдал последний «хвост» за летнюю сессию и пригласил друзей. А в понедельник после занятий я думаю заехать к тебе в салон – постричься, ну и все остальное.

– Хорошо, я буду ждать тебя вечером. Пострижешься, а потом мы вместе пойдем куда-нибудь поужинать, согласен?

– Согласен. Передавай привет отцу и деду! – быстро за-

круглил разговор Дима, и его слова утонули в шумно нахлынувшей новой музыкальной волне.

– Жду тебя в понедельник! – крикнула Светлана в грохочущую трубку.

Дима Батырев, без пяти минут выпускник факультета журналистики МГУ жил один в огромной четырехкомнатной квартире с видом на Строгинскую пойму. Когда ООО «Нимфа» твердо встало на ноги, Батя за одним из воскресных семейных обедов торжественно заявил, что теперь можно потратить некоторое количество денег на первоочередные нужды, в частности, купить еще одну квартиру. По мнению его знакомых риэлтеров, самым экологически чистым районом Москвы является Строгино, и именно там он уже вложился в элитную новостройку. Олег и Светлана, наивно подумав, что Батя решил сам на старости лет сменить загазованный центр города на экологически чистую окраину, единодушно зааплодировали. Однако когда дом был построен, глава семьи за очередным ужином обратился к Олегу:

– Как ты думаешь, сынок, сколько вам со Светой понадобится денег на ремонт?

От неожиданности Олег едва не подавился куском отбивной. Прокашлявшись, он удивленно спросил:

– А разве ты сам не собираешься поехать в Строгино?

– Нет, сынок, отсюда я поеду только на кладбище. Новую квартиру я хотел подарить вам.

– Спасибо за такой щедрый подарок, – язвительно побла-

годарила Батю Светлана и, звучно стукнув вилкой, демонстративно вышла из кухни.

– Ты ее извини, она просто привыкла ходить на работу пешком, – попытался оправдать некрасивый демарш своей жены Олег.

Центральный салон «Нимфы» находился в двух кварталах от их дома.

– Мы с мамой тоже, между прочим, привыкли ходить на работу пешком, – резонно возразил Батырев-старший. – И что нам теперь делать?

Олегу, продолжавшему работать главным инженером в НИИ, который к тому времени акционировался и, перейдя в частные руки, перестроился в современный бизнес-центр, было абсолютно без разницы, откуда ездить на работу: из Строгино, или с Чистопрудного бульвара. Однако уезжать из привычного центра Москвы, в котором он прожил практически всю свою жизнь, ему тоже ни капельки не хотелось.

– Надо было сразу все объяснить, – недовольно проворчал Олег. – А то мы думали, что это **тебя** на экологию потянуло.

– Знаете, а меня давно тянет на свежий воздух, – примирительно улыбнулась Катя. – Большой-пребольшой участок, сосны, тишина и какое-нибудь лесное озеро.

Она обняла мужа и положила голову ему на плечо.

– Давай, Дима, купим себе какой-нибудь дом в тихом месте, и будем там жить вдвоем. Пора, пожалуй, и отдохнуть

от работы. Я думаю, Олег вполне может стать генеральным директором вместо меня, не вечно же ему сантехниками командовать.

Батя, все время втайне тосковавший о конфискованной престижной даче в Серебряном Бору, неожиданно легко согласился:

– Хорошо, а новую квартиру подарим Димке, пусть учится жить самостоятельно.

Димка, только что поступивший на факультет журналистики МГУ, от радости лишился дара речи. Он что-то нечленораздельно пробормотал и расцеловал деда в обе щеки.

Всю осень Батырев-старший и Катя ездили по Подмосквовью и, наконец, в ноябре подобрали себе большой лесной участок на Новорижском шоссе. А еще через месяц, за неделю до Нового года Катя скоростижно умерла от острого лейкоза, и Светлана осталась одна с тремя бестолковыми и своенравными мужчинами – мужем, сыном и свекром. После смерти жены Батя, забросив дела, впал в беспросветную депрессию. Олег, как и прежде, наотрез отказался бросать наемную работу в чужом бизнес-центре и заниматься собственным предприятием. Светлане, занявшей должность генерального директора, пришлось поневоле взвалить на себя всю тяжесть ведения дел. Мужчины-учредители стали в семейном бизнесе бесполезным балластом. И если Олег был все-таки ее мужем, заиклившимся на любимой работе, и поэтому не имеющим времени помогать ей, то свекор стал

теперь просто никчемным старым пьяницей, бессмысленно путающимся под ногами. Сын, отшельнически уединившейся в своем Строгине, делами семейной фирмы практически не интересовался, о своей личной жизни почти ничего не рассказывал и встречался с матерью только тогда, когда ему срочно требовались деньги. Вот и в понедельник он, наверняка, попросит каких-нибудь внеплановых финансовых вливаний. От внезапно накотившего после разговора с сыном острого чувства одиночества Светлана едва не расплакалась, но тут в дверь властно постучали, и на пороге кабинета появился Никонов – в прошлом солагерник Бати, осужденный в середине восьмидесятых за мошенничество и вымогательство, а теперь уважаемый владелец сети пивных ресторанов и крупного торгово-развлекательного комплекса. Он был единственным другом и постоянным партнером Бати по субботнему преферансу.

От неожиданности Светлана вздрогнула и оцепенела. Несмотря на то, что Никонов бывал в ее салоне по несколько раз в неделю – посещал солярий, стригся, делал массаж и даже маникюр – она старалась сталкиваться с ним, как можно реже. Никонов наводил на Светлану беспричинный страх. За обходительными манерами и мягким голосом, она интуитивно чувствовала повадки опасного хищного зверя. Особенно ее пугал холодный гипнотический взгляд, вскрывающий человеческую душу, словно профессионально заточенная монетка карманника. Светлане казалось, что этот змеи-

ный взгляд безо всякого труда препарирует и исследует все ее самые укромные и потаённые уголки.

– Добрый вечер, Света, – Никонов учтиво кивнул головой. – Извини, если отрываю от дел, но у меня очень важный вопрос: я уже несколько дней не могу дозвониться до Бати, с ним ничего не случилось?

– Он исчез, – с усилием выдавила из себя оцепеневшая Светлана.

– Исчез? – аккуратные актерские брови на загорелом лице Никонова едва заметно приподнялись вверх. – И как же это произошло? И почему я об этом ничего не знаю?

– Я сама знаю об этом только со слов Олега, – чужим одеревеневшим голосом ответила женщина. – В прошлое воскресенье Батя пошел в лес за грибами, и с тех пор его никто не видел.

– А где Олег?

– Он вчера ночью уехал на дачу искать отца и должен вот-вот вернуться, – Светлана почему-то не решилась сказать, что телефон Олега молчит уже несколько часов.

– Когда вернется, пусть позвонит мне. Кстати вы заявление в милицию подали?

– Олег хотел подать заявление в Семчеве, но там не приняли. Сказали надо заявлять по месту жительства.

– Это верно. Завтра же с утра идите с Олегом в свое отделение и пишите заяву. Человек уже неделю как пропал, а вы не чешетесь!

– Мы думали, что он просто запил и забыл подзарядить телефон, – неубедительно попыталась оправдаться Светлана. – С ним такое уже бывало...

– Мы думали! С ним бывало! – передразнил её Никонов и наносная обходительность и мягкость отпали от него, как красивые, но слишком тяжелые обои отваливаются от плохо загрунтованной бетонной стены. – Я вашему Бате жизнью обязан! Такие люди как он не пропадают. Вызови мне Олега!

Светлана послушно набрала номер мужа в протянутом ей телефоне.

– А он-то куда пропал? – удивлённо спросил Никонов, услышав в трубке бесстрастный механический голос. – У него что, тоже батарея села?

– Не знаю. Я не могу дозвониться ему с обеда, – Светлана растерянно пожала плечами и почти физически почувствовала, как острый парализующий взгляд, словно томограф, бесстрастно сканирует её плывущее сознание.

– Хорошо. Как только Олег объявится – пусть немедленно позвонит. Вот мои телефоны, – Никонов протянул женщине визитную карточку.

Светлана в ответ дала ему свою визитку.

– Желаю приятно провести вечер, – многозначительно улыбнулся на прощание Никонов, словно хамелеон, снова мимикрируя в мягкого и обходительного бизнесмена.

– Спасибо, – тихо ответила Светлана и, проводив гостя долгим усталым взглядом, обессилено откинулась в кресле. –

Как же вы все мне надоели... Сейчас пойду домой и напьюсь в хлам, – мечтательно прошептала она, но телефон снова стал настойчиво наигрывать рингтон из «Служебного романа».

Светлана, немного поколебавшись, взяла трубку.

– У меня все на мази, – услышала она веселый голос Тоши. – Сегодня нас ждут шикарные апартаменты, а не номер в «Подушкине». Ты готова?

– Как юный пионер, – вымученно пошутила Светлана.

– Тогда я буду через три минуты.

– Только в салон не заходи, пожалуйста. Жди на бульваре возле магазина и купи мне пару банок джин-тоника.

– У тебя был тяжелый день? – участливо спросил Тоша.

– Не то слово, – тяжело вздохнула женщина.

Потом она достала из сумочки косметичку и, подправив макияж на лице, зачем-то ещё раз набрала телефон Олега. Услышав очередной дежурный ответ о недоступном абоненте, Светлана раздраженно пробормотала:

– Ну и чтоб тебя в этом лесу волки вместе с Батей съели!

Она закрыла кабинет, помахала на прощание мастерам, сосредоточенно колдующим над вечерними клиентами, и вышла из ослепительно сияющего салона в промозглый осенний вечер.

Могучая фигура Тоши уже маячила шагах в тридцати от салона под мигающей вывеской круглосуточного мини-маркета. Светлана неспешным прогулочным шагом подошла

к нему и, вежливо отклонив попытку ее поцеловать, сама открыла пассажирскую дверь давно не мытой тёмно-синей «Приоры».

– У тебя какие-то неприятности? – участливо спросил Тоша, выруливая в сторону Мясницкой улицы.

– Сама не знаю, неприятности у меня или приятности, – неопределенно ответила Светлана, отпивая мелкими глотками из банки холодный джин-тоник.

Последние минуты, с того момента, как она вышла из салона и повернула не налево – домой, а направо – к Тоше, ее не оставляло гнетущее чувство, будто она совершает какую-то непоправимо большую глупость. Светлана достала телефон и еще раз безуспешно попыталась дозвониться мужу.

– Олега ищешь? Не волнуйся, он сам, наверное, завис с какой-нибудь подругой и отключил телефон. А завтра скажет тебе, что на даче почему-то исчезла связь, а машина вдруг сломалась, и он всю ночь провел в сельском автосервисе... или еще какую-нибудь тему напоем.

Светлана ничего не ответила – она была уверена в том, что у Олега нет никакой тайной подруги. Любовники молча ехали то по оживленным магистралям, то каким-то пустынным переулкам до тех пор, пока вторая баночка джин-тоника не вернула Светлане праздничное настроение субботнего вечера. Она положила руку на бедро Тоши и томно спросила:

– Ну, и когда же мы, наконец, приедем?

– Уже приехали, – ответил молодой человек, останавливаясь у безликой панельной многоэтажки.

– Это и есть твои шикарные апартаменты? – презрительно скривилась Светлана, с опаской войдя в полутёмный подъезд и заглянув в исписанный черным маркером лифт.

– Сейчас увидишь. Квартира реально стильная, – обиженно отозвался Тоша, и манерно отставив мизинец, нажал кнопку последнего двенадцатого этажа.

Молодой человек не соврал. Стандартная однокомнатная квартира была переделана под современную студию. Ломаный гляцевый потолок, полированная мраморная плитка на полу, стильные гранитные вставки на оклеенных жатыми обоями стенах, лаковая барная стойка, отделяющая кухню от комнаты – все блестело и переливалось в мягких лучах многочисленных интимно приглушенных подсветок.

– И кто же здесь обитает? – поинтересовалась Светлана, разглядывая огромную, занимающую полкомнаты кровать, художественно забросанную этническими пледами и декоративными подушками.

– Один мой бывший одноклассник. Он работает барменом в ночном клубе, так что раньше восьми утра не вернется, – Тоша взял в руки лежавший на кровати пульт, и комнату наполнили упругие аккорды неунывающих ветеранов гламурной романтики из «Duran Duran».

– Прекрасно, а где у твоего друга душ? – спросила Светлана, ритмично пританцовывая под легкомысленно-игривую

«Bedroom Toys».

Не дожидаясь ответа, она привычным жестом стянула через голову тонкий чёрный джемпер и бросила его в сторону исчезнувшего за барной стойкой Тоши.

Глава 6. Олег

– А вы кто, лесничиха? – спросил Олег, не отрывая взгляда от направленного в черное ночное небо охотничьего карабина.

– Я? – улыбнулась женщина, рассматривая с трудом слезшего с дерева, растрепанного, как кочан ранней капусты, бледного растерянного мужчину. – Я здесь и лесник, и егерь, и эколог, и еще чёрт знает кто. Одним словом – лесная хозяйка. А вот вы кто будете?

– Я? – смущенно пожал плечами Олег. – Я – дачник.

– А зачем вы, товарищ дачник, вместо того, чтобы спать в своей даче по лесу ночью шляетесь?

– Я заблудился.

– Наверное, по грибы ходили? – ехидно усмехнулась женщина.

– Почти, – уклончиво ответил Олег.

– Странные вы люди – горожане, одна морока от вас. В конце октября по грибы ходите, да еще в незнакомый лес. Не зная броду, в воду суетесь. Ладно, давайте знакомиться, да пойдем в дом, пока совсем не замерзли.

Женщина поставила карабин на предохранитель, повесила его на плечо и протянула Олегу по-мужски крепкую, натруженную руку:

– Бибикова Нина Васильевна – старший инспектор Ула-

новского лесхоза.

– Батырев Олег Дмитриевич – главный инженер бизнес-центра «Меркурий».

– Я почему-то так и подумала, – с едва уловимой грустью произнесла женщина.

– Что вы подумали? – насторожился Олег.

– Что вы инженер. Образованный человек, в любой технике разбираетесь, починить что угодно можете, а в лесу теряетесь, как малый ребенок. Почему-то именно такие технари чаще всего страдают топографическим кретинизмом.

– Ночью в незнакомом лесу кто угодно станет кретином, – обиженно ответил Олег.

– Не принимайте всерьёз, пойдёмте в дом.

Нина Васильевна развернулась и, освещая дорогу мощным фонарем, направилась к зыбко желтеющим в туманной темноте окнам. Олег подумал, что с её стороны было странно выключать освещение во дворе, но, видимо, на этот счёт у хозяйки имелись какие-то свои резоны.

– А вы здесь одна живёте? – для поддержания разговора спросил Олег, хотя было очевидно, что если бы в доме имелся мужчина, то навстречу незваному гостю вышел бы именно он.

– Не одна – с собаками, – вздохнула Нина.

– Для охраны держите?

– Какая из них охрана – сплошные инвалиды, – махнула рукой хозяйка, легко и упруго поднимаясь на крутое высокое

крыльцо.

– А по-моему, эти ваши инвалиды кого хочешь задерут – хоть человека, хоть медведя.

– Да мои собаки даже кошку не обидают. Они ведь почти все несчастные бродячие дворняжки. Большинство больные и старые. Я их сюда со всей округи собрала, чтобы под заборами в одиночестве не умирали.

Олег подумал, что огромный бело-рыжий волкодав совсем не похож на старую больную дворняжку, но вслух ничего не сказал.

Нина Васильевна щелкнула в темных сенях выключателем и прожектора снова осветили замшелый колодезный сруб, собачьи вольеры и старые, но ещё вполне добротные сараи.

– Верхнюю одежду и обувь снимайте здесь – я сегодня в доме полы мыла, – предупредила она гостя и, не выпуская из рук карабин, стряхнула с ног широкие резиновые боты.

Олег повесил свою штормовку на единственный свободный крючок самодельной деревянной вешалки, закинул спортивную шапочку на удивительно высоко прибитую шляпную полку и, с трудом стянув облепленные черной торфяной грязью сапоги, прошел вслед за хозяйкой в дом. Русская печь разделяла большую комнату на столовую-горницу и отгороженную от нее цветистой занавеской кухню. Посреди горницы стоял стол с расписным электрическим самоваром, блюдо с пирожками, вазочка с конфетами, сахарни-

ца, заварочный чайник, две чашки с блюдцами и две десертные тарелочки. К столу были придвинуты два стула, а на одном из них лежали полотняный мешочек и стопка карточек для игры в лото. «Странно, – подумал Олег. – Хозяйка сказала, будто живёт одна, но, похоже, что за этим столом совсем недавно сидели два человека». Три двери расположенные по правой стене горницы вели во внутренние комнаты, и за любой из них мог скрываться кто-то, кто совсем не хотел быть замеченным. Олегу стало не по себе. Похоже, в этом доме он был нежеланным гостем, бесцеремонно вторгшемся в тщательно скрытую от посторонних глаз личную жизнь его хозяйки.

– Мойте руки на кухне и проходите за стол, – гостеприимно предложила Нина Васильевна, а сама, по-прежнему держа в руках карабин, прошла в ближнюю комнату. Услышав царапающий душу металлический скрип и громкий щелчок, Олег немного успокоился, – судя по звуку, лесничиха, наконец, убрала свой карабин в оружейный ящик. Осторожно отодвинув занавеску, он заглянул в кухню. Ничего опасного там не было – самая обычная обстановка. Маленькая двухкомфорочная плита с красным газовым баллоном, старинный фаянсовый мойдодыр с медным ручным рукомоёмником и покрывшимся черными пятнышками мутным зеркалом, массивный разделочный стол, пара грубых тяжелых табуретов и явно самодельные кухонный комод и широкие навесные полки.

– Вы проходите, не бойтесь, там собак нет, – раздался у него за спиной голос хозяйки.

Смутившийся Олег быстро прошел к мойдодыру и стал тщательно отмывать руки и лицо от черного торфяного налета и паутины.

Когда он вышел к столу, самовар уже закипел, а к двум чашкам прибавилась третья.

– У меня, к сожалению, сегодня только вегетарианские пирожки: с капустой и луком, – извиняющимся тоном произнесла Нина Васильевна. – Но если хотите, я могу приготовить картошку с тушенкой.

– Спасибо, – поблагодарил Олег, доставая из сумки пакет с бутербродами. – У меня еще несколько бутербродов осталось.

Нина Васильевна отлила немного чая из полной чашки в пустую и, подув на него, сделала маленький глоток.

– Не могу пить кипяток, а ждать пока остынет, обычно, терпения не хватает. Вот я и пью чай сразу из двух чашек.

Эти слова несколько успокоили Олега, и он принялся за хозяйские пироги, запивая их обжигающим, словно спирт, огненным чаем. Когда на блюде остался всего один пирожок и два бутерброда с сыром, Нина Васильевна ободряюще улыбнулась:

– У вас хороший аппетит, а значит и в жизни всё хорошо.

Олег смущенно посмотрел на опустевшее блюдо:

– Извините, я, кажется, съел все ваши пирожки.

– Пустяки, я бы все равно завтра скормила их собакам. А теперь расскажите, какая нелёгкая занесла вас ночью на болото и куда мне вас завтра отвезти.

– Вот уж действительно нелёгкая, – вздохнул разомлевший от тепла и сытости Олег. – Только занесла она меня на это болото не одного. Неделю назад мой отец пошел в лес за грибами и с тех пор не вернулся, а сегодня я пошел его искать, да и сам, как видите, заблудился, словно маленький ребенок.

– Так вы, что же пошли искать отца только неделю спустя? – осуждающе покачала головой хозяйка. – И почему не сообщили в МЧС?

– Видите ли...

Олег подробно пересказал Нине Васильевне все, что произошло с ним за последние сутки.

– Пожилой человек в одиночку отправляется осенью в поход за грибами, да ещё в такую даль. Это чистое безрассудство. У него могло подняться давление, случиться сердечный приступ и мало ли что ещё...

– У моего отца отменное здоровье, он хорошо ориентируется в любом лесу, к тому же он взял с собой компас.

– На самом деле, этот лес не такой большой, как кажется, к тому же едва ли не половину его занимает торфяное болото. Человек, пользующийся компасом, никогда здесь не заблудится. Хотя люди теперь вместо компаса, чаще полагаются на мобильную навигацию, да вот беда – никакой сотовой

связи здесь нет. Прошлым летом мои собаки привели из леса целую семью – мать, отца и двух дочерей, проплутавшую там почти трое суток. Их искали и эмчээсовцы и волонтеры, а нашли мои собаки. Они у меня настоящие телезвезды – их в новостях показывали.

– Тогда почему же мой отец, имея компас, до сих пор не вышел из леса? – недоумённо спросил Олег. – Здесь встречаются волки или змеи?

– Змеи уже давно уснули, а волки могут забрести сюда только зимой. Самые опасные звери в этом лесу – кабаны, но я не помню, чтобы они сами нападали на человека. С охотниками у нас бывали несчастные случаи, а просто так кабаны на людей никогда не нападают. Самое опасное место в наших краях – это старые торфоразработки, там остались затопленные карьеры. Они не слишком глубокие, но если туда сорваться в темноте, то в одиночку можно и не выбраться. Только вряд ли ваш отец добрался до этих карьеров, единственная дорога к ним с вашей стороны идет через эту пустошь, мимо моего дома, а ко мне на этой неделе никто посторонний не приходил. Кстати у вашего отца были с собой какие-нибудь ценные вещи?

Олег на секунду задумался. Батя никогда не расставался со старым золотым «Брегетом», оставшимся от его прежней долагерной жизни и извлеченным вместе с обручальными кольцами из тайника в березовой роще. Взял ли он его с собой в лес? Наверняка. Хотя бы потому, что других часов

у него не было.

– У него были золотые часы. А разве так опасно ходить в наше время в лес с золотыми часами? Это все-таки не Южный Бронкс, и не Восточное Бирюлево.

– В наше время безопасно ходить в лес можно только с ружьем. Да и то, если не боишься им пользоваться, а то и ружье отнимут, – насмешливо ответила Нина Васильевна. – Бродяги теперь везде шляются, случается, грабят и туристов и грибников, отбирают деньги, планшеты, телефоны. А за золотые часы, я думаю, теперь запросто и убить могут. От моего дома до Уланова семь километров по просеке будет, так прошлой зимой какие-то жулики целых пять километров кабеля за одну ночь срезали. Я потом два месяца при керосиновой лампе жила, пока новый кабель не протянули. Вот так! А вы, москвичи беспечные, в лес с золотыми часами ходите.

– Зачем же вы меня пугаете? – расстроено спросил Олег, пораженный такой неожиданной версией. – И зачем бродягам убивать человека? Отняли бы часы, да и все. Я думаю, Батя об этом никому не сказал бы – даже мне.

– Да не волнуйтесь вы так – это всего лишь предположение. Возвращайтесь к себе домой в Москву и пишите там заявление. Пусть полиция этим делом занимается. – Нина Васильевна широко зевнула, прикрыв рот рукой. – А сейчас, давайте спать, завтра дел много. Я в семь утра своих собачек накормлю и сразу после этого отвезу вас в ваши «Ручейки», хорошо?

– Хорошо, а телефона у вас нет? Жене надо позвонить, чтобы она не волновалась.

– Чего нет, того нет, – сокрушенно вздохнула хозяйка. – Родителям, царство им небесное, еще при социализме каждый год обещали связь провести, да так и не успели, а теперь кто же мне одной из Уланова семь километров провода протянет?

Она провела Олега в одну из боковых комнат, и расстелила высокую кровать со старомодными никелированными набалдашниками на металлических стойках и растянутой, словно гамак, скрипучей панцирной сеткой. Изнуренный лесными скитаниями мужчина забылся глубоким и спокойным сном, едва успев донести голову до огромной пуховой подушки.

Это целительно-безмятежное забвение было прервано, как показалось Олегу буквально через десять минут, командным голосом Нины Васильевны:

– Подъем! Мы уже на целый час отстали от графика!

Олег, вспомнив свой незабываемый армейский опыт, рефлекторно, одним прыжком выскочил из постели. В это время во дворе громко залаяли собаки.

– Да что ж это за наказание сегодня с утра, – в сердцах пробормотала хозяйка и, бросив на ходу, – Постель можете не застилать, быстренько умывайтесь и поехали, – стремительно выбежала из комнаты.

Олег, пройдя в кухню, плеснул себе в лицо и на шею ле-

дяной воды из медного рукомойника, вытерся не очень свежим полотенцем и, надев джинсы, байковую рубашку и шерстяной свитер, вышел в сени. Старенький зеленый УАЗ военного образца уже стоял около крыльца. Из распахнутого гаража доносился неразборчивый голос Нины Васильевны, казалось, что она с кем-то ругается.

– Наверное, собаки, что-нибудь нашкодили, – подумал Олег, с усилием натягивая облепленные застывшим торфом холодные сапоги.

Накинув штормовку, он нашарил на высокой шляпной полке свою спортивную шапочку и вместе с ней неожиданно вытянул джинсовую бейсболку с вышитой малиновой нитью надписью – «Boston Red Sox». Сердце Олега учащенно застучало в ритме диско, и он дрожащими от волнения руками торопливо вывернул бейсболку наизнанку. На сером отвороте была видна полустертая черная надпись – «носки бывают разные зеленые и красные», а рядом с ней еще одна, почти незаметная: «Леня Носков – дурак». Ошибки быть не могло, именно эту бейсболку, пару лет назад оставил на даче однокурсник его сына, и именно в ней с той поры копался на своих грядках Батя. Получается, что отец здесь был, а лесничиха ничего об этом не сказала. И даже соврала, будто целую неделю не видела посторонних людей. А может, она просто нашла эту бейсболку где-нибудь в лесу или на болоте? Олег сделал шаг к входной двери и увидел стоящую на Нину Васильевну. Казалось, что она своим разъяренным взглядом,

словно мощным лазером, пытается испепелить ненавистную бейсболку.

– Разве это ваша кепочка? – вызывающе дерзко спросила хозяйка.

– А разве ваша? – в то ей отозвался Олег.

– Конечно моя! – нарочито нагло и громко ответила Нина Васильевна. – Я в ней всегда летом по лесу хожу! Положите кепочку на место и садитесь в машину, пока я не передумала везти вас в «Ручейки»!

Стоящий в дверях Олег с испугом заметил, что слоняющиеся по двору псы, услышав накаляющийся голос своей хозяйки, насторожились и стали подтягиваться к крыльцу.

– А мне теперь не надо ни в какие «Ручейки»! Вы мне здесь и сейчас расскажите, что случилось с моим отцом! – багровея от ярости, выкрикнул Олег и, сделав шаг к лесничихе, попытался схватить её за отвороты пестрой спортивной куртки.

Та с удивительным проворством соскользнула с крыльца и испуганно закричала:

– Пилигрим!

Олег отпрыгнул в сени и успел захлопнуть дверь буквально за секунду до того, как в нее со всей силы впечаталась четырехпудовая туша рыже-белого пса. Мужчина быстро заложил широкий деревянный засов и, вернувшись из сеней в горницу, накинул на вторую тамбурную дверь простенький проволочный крючок. Воинственный Пилигрим несколько

раз наскочил на первую дверь и затих. Тем временем под кухонным окном послышался вновь обретший командную строгость голос Нины Васильевны:

– Олег, не дури! Выходи по-хорошему, и мы договоримся!

– Сначала расскажите, что случилось с моим отцом!

– Лучше выходи сам, не вынуждай меня идти на крайние меры и портить имущество! – игнорируя вопрос угрожающе прокричала лесничиха.

– Что случилось с моим отцом? – упрямо повторил мужчина.

– Не хочешь выходить по-хорошему, значит, выйдешь по-плохому!

– Что, вы, сделали с моим отцом?

Женщина ничего не ответила, и Олегу стало по-настоящему страшно. Он трезво оценил ситуацию и подумал, что если Нина разобьет окно, то в дом легко ворвется целая стая псов во главе с гигантским Пилигримом. Но на дворе наступила подозрительная тишина, даже собаки почему-то замолчали. Это испугало Олега еще больше, и он, вспомнив про охотничий карабин, опрометью кинулся в хозяйскую спальню. Там в правом углу, возле окна стоял самодельный высокий металлический шкаф, запертый на большой навесной замок. Если ему удастся сбить этот замок, а в ящике кроме карабина окажутся еще и снаряженные патроны, он спасен. Забаррикадившись в комнате, при удачном раскладе Олег сумеет перестрелять всю эту собачью свору вместе с ее сума-

шедшей хозяйкой. Потев от возбуждения и страха, он кинулся на кухню и стал хватать все, что попадалось на глаза: большую чугунную сковороду, увесистый отбивной молоток на тонкой деревянной ручке, ножи и лежавшую на подоконнике длинную шлицевую отвертку. Вернувшись со всем этим добром в спальню, Олег со всей силы ударил по замку отбивным молотком. Деревянная ручка с сухим треском сломалась ровно посередине, а сам молоток, срикошетив, со свистом пролетел у него над головой. Тогда Олег стал методично лупить по замку чугунной сковородой. Через минуту он почти оглох и напрочь отсушил себе руку, а на черном замке появились лишь несколько неприметных вмятин и бесчисленное количество серебристых полос. Чтобы сбить такой замок требовался лом или кувалда, только вряд ли хозяйка держала их в доме. Тогда Олег вооружился отверткой, встал перед металлическим ящиком на колени и, взяв в руки замок, уважительно присвистнул: на язычке прикрывающим замочную скважину гордо красовалась явно дореволюционная надпись: «Мастер Брабель». Олег, хоть и считал себя опытным технарем, оказался никудышным домушником. Он никогда в жизни не сталкивался с обычными навесными замками и поэтому просто воткнул отвертку в скважину и стал наугад, неумело ковыряться в личинке. Никаких результатов это, естественно, не принесло, неведомый Брабель был настоящим мастером своего дела. И тут Олега осенило – у любого замка обычно бывает хотя бы два ключа.

Если один хозяйка всегда носит с собой, то второй обычно держит где-нибудь в доме. Олег, оставив в покое неподдающийся старинный замок, подошел к фанерной прикроватной тумбочке и стал методично высыпать на пол содержимое её выдвижных ящиков. В первом оказались какие-то лекарства, носовые платки и старые записные книжки. Зато из второго ящика вместе с пуговицами, шпильками, нитками и другими предметами рукоделия, на пол упали несколько ключей и прозрачный полиэтиленовый пакетик с увесистым золотым «Брегетом».

– Вот же сука, – обескураженно прошептал Олег.

В это время с крыльца вновь раздался разъяренный голос Нины Васильевны:

– Ну что, выйдешь по-хорошему, или мне придется дверь портить?

– Хрен тебе! – громко крикнул в ответ Олег, лихорадочно выбирая из рассыпанного на полу хлама подходящие по виду ключи.

На крыльце прогремел выстрел, за ним еще один, потом послышался хрусткий треск ломающегося косяка, и входная дверь с тяжелым стуком рухнула на пол. Олег сел и обреченно откинулся спиной на оружейный ящик.

Вторая дверь, жалобно пискнув хлипким проволочным крючком, распахнулась настежь от тяжелого удара прикладом, и на пороге спальни, неумолимая словно Немезида, с еще дымящимся обрезом в руках появилась Нина. Воз-

ле ее ног весело тьякала рыжая одноухая собачонка, а за ее спиной, вывалив наружу лиловый язык, плотоядно скалился грозный Пилигрим.

– Ну что, дурачок, пытался мой карабин достать? – женщина укоризненно посмотрела на разбросанное по полу содержимое прикроватной тумбочки. – Ключ от ящика искал? Так он всего один и всегда у меня.

– Зато я кое-что другое нашел, – Олег указал на пакетик с часами.

– Так это мои часы, – как обычно абсолютно невозмутимо солгала женщина.

– Это часы моего отца, что ты с ним сделала?

– Были его, а теперь стали мои. Некогда мне с тобой разговоры разговаривать. Слушай меня, и быстро шагай в кухню!

– Никуда я не пойду, можешь убивать меня здесь!

– Да что ж это за день такой! Все как с цепи сорвались! Прямо, наваждение какое-то, – тяжело вздохнула хозяйка и устало приказала. – Пилигрим, помоги товарищу подняться!

Неправдоподобно огромная московская сторожевая угрожающе медленно двинулась к Олегу. Тот покорно поднялся и обречённо поплёлся на кухню. В сенях он заметил еще двух крупных черных собак, настороженно посверкивающих глазами из-под густой вьющейся шерсти. Их Олег узнал сразу, это были русские черные терьеры – собаки, специально выведенные в сороковые годы для охраны зеков и режимных

объектов. У одного инженера из его НИИ тоже был такой терьер. Он уверял, что теперь эти псы уже не такие агрессивные, как раньше, но свои сторожевые навыки ничуть не потеряли. Увидев свою хозяйку, терьеры вышли из сеней и, словно получив мысленный приказ, последовали за ней, сменив гигантского Пилигрима и одноухого Пирата.

В кухне Нина отодвинула постеленную на полу плотную рогожку, подняла несколько половиц, подала Олегу обретенную в сенях спортивную шапочку и указала на круто уходящие в темноту ступени:

– Спускайся.

– Зачем? – испуганно отшатнулся мужчина.

– И откуда ты взялся на мою голову такой любопытный, – снова вздохнула хозяйка. – По всему видно, что не под самой удачной звездой ты родился. Не надо меня сейчас злить. Спускайся!

Олег медленно, на ощупь стал спускаться по осклизлой деревянной лесенке. Когда ноги его ступили на плотно утрамбованный земляной пол, Нина зычно скомандовала терьерам:

– Стеречь!

Собаки одна за другой легко и бесшумно прыгнули в подпол, а Нина, задвигая половицы, предупредила Олега:

– Не вздумай подходить к лестнице и кричать, не то они тебя враз успокоят.

Очутившись в полной темноте, Олег, на всякий случай

сразу же отошел подальше от ступенек, возле которых псы сразу устроили какую-то тихую невидимую возню и, поеживаясь от промозглого холода, излучаемого каменными стенами подвала, натянул на голову злосчастную шапочку. Через несколько минут, когда глаза немного привыкли к темноте, Олег различил слабый свет, идущий от вентиляционной отдушины. Он подошел к нему и попытался рассмотреть что-нибудь на улице. Терьеры прекратили свою игривую возню и, бесшумно последовав за своим пленником, стали по обе стороны от своего пленника так близко, что он сразу же почувствовал на своих ногах их горячее дыхание. Отдушина была забита подходящим по диаметру пластмассовым ведерком в днище которого гвоздём или шилом были проделаны частые мелкие дырочки, создававшие эффект корректирующих очков. Сквозь них была видна небольшая часть вытоптанного собаками двора и угол какого-то сарая. Через минуту послышался раздраженный голос Нины:

– Давай, давай, шевели ногами! Баня давно натоплена, другим тоже мыться надо!

Перед глазами Олега неспешно просеменили грязные собачьи лапы, потом обреченно прошаркали убитые безродные кроссовки, а следом за ними величественно проплыли блестящие резиновые боты.

– Да не дрожи ты так, никто тебя в бане не съест, – неубедительно успокаивал невидимого бедолагу ворчливый голос Нины.

Откровенная фальшь в её голосе и обреченное молчание жертвы предполагали довольно печальный исход предстоящей банной процедуры. Олег, вновь покрывшийся холодным потом, напряженно прислушивался к доносившимся с улицы звукам. Вскоре где-то неподалеку раздался отчаянный истеричный крик:

– Сумасшедшая! Ведьма! Чтоб тебя...

Вслед за криком прозвучал приглушённый сухой хлопок. А потом ещё один. Вероятно контрольный выстрел.

– Что же ты что делаешь, сука?! – во весь голос заорал Олег и с такой силой ударил по забитому в отдушину ведёрку, что оно, глухо чпокнув, словно открываемая винная бутылка, вылетело наружу.

Один из терьеров тут же сбил его с ног и, плотно прижав лицом к жесткому земляному полу, горячо задышал в затылок.

Глава 7. Фёдор Прыгунов

Фёдор Прыгунов совсем не хотел умирать, хотя мысли о самоубийстве последние полгода нередко по утрам посещали его больную похмельную голову. Но вот теперь, когда косая в образе миловидной улыбчивой женщины с пышными светлыми волосами терпеливо дожидалась, когда он в последний раз позавтракает, Фёдор впервые понял, как же ему хочется жить. Где угодно: в тюрьме, на помойке, в лесной землянке или в дурдоме – все равно. Главное – жить!

Бессмысленно глядя на миску с остывающей овсянкой, Фёдор вспоминал последние, самые нелепые полгода своей жизни. Освободившись весной из колонии, где он в третий раз отбывал срок за хулиганство и нанесение тяжких телесных повреждений, Фёдор вместо родного дома вернулся на пепелище. За два месяца до его возвращения, жена не то уснула по пьянке с непогашенной сигаретой, не то опрокинула керосиновую лампу – электричество в их доме давно было отключено за неуплату. Дело было поздно вечером, но дочери в это время еще где-то гуляли, а соседи уже спали, поэтому, когда они заметили огонь и вызвали пожарных, спасать было уже некого и нечего. Девочек определили в детский дом, а останки жены похоронили за казенный счет потому, что у тещи деньги нашлись только на двухнедельный запой под названием поминки. Еще тогда, в апреле, вы-

шагивая по стеклянно скрипящим головешкам, среди разбросанных по двору обугленных бревен и, обдумывая, как жить дальше, Фёдор понял, что никакой человеческой жизни у него больше никогда не будет. Что теперь он конченный бомж и его удел – скитание по помойкам. Однако паспорт в райотделе полиции Фёдору всё же выдали с пропиской, зарегистрировав его по прежнему погорельскому адресу, и он стал жить, благо потеплело, в чудом сохранившемся крохотном сарайчике. Устроиться в разгар кризиса на постоянную работу в их маленьком городке, имея три судимости и репутацию алкоголика, было нереально, и Фёдор каждое утро шел на городской рынок, где собирались такие же, как он забулдыги в поисках какой-нибудь халтуры. Как ни удивительно, для них всякий раз что-нибудь находилось, и Фёдор возвращался по вечерам в свой сарайчик если не на бровях то, по крайней мере, изрядно пошатываясь. Когда август подошел к концу, и надвинулась осень с ее промозглой сыростью, Федор отчетливо увидел идущий следом за ней и несущий верную смерть ледяной образ Снежной королевы. Как можно пережить зиму в крохотном, словно собачья будка, холодном сарайчике он не представлял. Единственное спасение виделось в новой отсидке, и он уже начал морально готовиться к ней, когда на его беду на рынке появился Жора-охотник. Сейчас Фёдор, не задумываясь, задушил бы этого деятеля своими руками у всех на глазах прямо посреди базарной площади и за это без всякого сожаления оттрубил бы

лет десять на зоне. Но тогда он неожиданно легко поддался грубому обаянию этого неунывающего балабола с задубевшим коричневым лицом и расставленными в шахматном порядке желтыми лошадиными зубами. Разобраться в запутанных и противоречивых рассказах Жоры о его героическом прошлом было невозможно. Очевидной правдой в них было только то, что раньше он жил в небольшом селе, давно уже нигде не работал и пил на довольно приличную по местным меркам пенсию матери. Когда весной мать умерла, Жора, лишившись финансирования, пропил всё, что можно было пропить в отчем доме и, истребив на закуску немногочисленных материнских кур, переключился на соседскую живность. Его довольно быстро вычислили и добротнo по-соседски отметелили.

– Но я ж потомственный охотник, я нигде не пропаду. Мне ещё от деда вот такое наследство досталось, – самодовольно улыбался Жора и доставал из огромной клетчатой сумки-баула, выкрашенные зеленой краской, капканы на длинных цепях, приваренных к острым стальным кольям. – У нас в селе собаки вечно голодные и целый день носятся по задмам на огородах, ищут чего пожрать. Я развожу в миске кубик куриного бульона, выношу в бурьян за свой огород, ставлю рядом капканы, а сам прячусь в кустах. Собака, учуяв запах бульона, находит в траве миску, начинает лакать и тут же попадает в капкан. Я выхожу из кустов, делаю вид, что хочу ей помочь, а сам перерезаю псу горло. Таким образом, за пол-

часа работы я получаю не меньше пяти килограммов свежего парного мяса, и приглашаю корешей, как выражаются культурные люди, на дружеское барбекю. К вечеру я уже и сыт и пьян.

– И чего же ты из своей деревни от такой сытой жизни убежал? – скептически усмехались слушатели.

– Собаки закончились, – как-то не очень весело отшучивался Жора, и слушатели по его вымученной редкозубой улыбке догадывались, что за своих собак горе-охотника метелили не только соседи, но уже вся деревня.

– А в вашем городе собак мне надолго хватит, – хитро щурился Жора.

– Гадость, какая, – брезгливо плевались мужики.

– Понимали бы вы что-нибудь в мясе, – презрительно отвечал Жора. – В Корее и Китае, например, собаки считаются лечебным деликатесом – у них очень полезное мясо. От всех болезней помогает, а особенно от туберкулёза. Надо только знать восточные рецепты и правильно готовить.

На этом месте он многозначительно замолчал, ожидая уточняющих вопросов, но мужики в дискуссию о достоинствах собачьего мяса почему-то никогда не вступали.

Как-то Фёдору довелось вдвоем с Жорой разгрузить машину с сухой штукатуркой.

– Слушай, ты ведь вроде один живешь? Давай у тебя дома спокойно бухнем и о дальнейшей жизни потрещим, – предложил Жора по дороге в магазин.

– Давай, – легко согласился Фёдор. – Для двоих места в моем сарайчике, пожалуй, хватит.

Когда он захотел в магазине взять на закуску полкило самой дешевой колбасы, Жора театрально закатил глаза и схватил Фёдора за руку:

– Ты что травануться захотел?

Вместо колбасы Жора взял несколько пакетиков куриного бульона с гренками, и в тот же вечер Федор впервые попробовал собачье мясо. Оно ему не понравилось – жилистое и безвкусное.

– Просто мы это мясо готовить не умеем, – убеждал его Жора. – Вот корейцы собачатину сначала отбивают, потом сутки вымачивают в молоке и маринуют в специях и только потом жарят на специальных сковородках или решетках. Такое блюдо получается – за уши не оттащишь.

– Ты-то откуда знаешь, как они готовят?

– По телеку видел. А еще в «Криминальной хронике» показывали, как корейские повара для своих ресторанов собак покупают и, кстати, очень неплохо за них башляют. Вот я и думаю в Москву податься, заняться там ресторанным бизнесом.

– Каким бизнесом? – выкатил осоловелые глаза Федор.

– Ресторанным. Буду собак корейцам продавать. Главное – приехать в Москву до холодов, чтобы успеть в каком-нибудь подвале себе теплое местечко застолбить.

– Ну-ну, – соболезнующе покачал головой Фёдор.

– А чего ты нукаешь? Бродячих собак в Москве полно, а корейцев еще больше. Мне вот только надежный напарник нужен, боюсь в этом бизнесе конкуренция очень сильная. Поедешь со мной? – Жора выразительно посмотрел на крижистую фигуру и тяжелые кулаки Феёра. – Всю деловую часть я беру на себя, а ты будешь у меня вроде телохранителя. Зарплата сдельная, в зависимости от выручки.

– Ты себя в зеркале давно видел? – спросил вместо ответа Фёдор, усмешливо разглядывая опухшее лицо собутыльника, похожее на заросший бурым мохом кирпич.

– Да уж не хуже любого корейца выгляжу, – наполняя стаканы, заносчиво ответил Жора. – Поехали, ты же в этой хибаре зимой, однозначно, околеешь.

После третьего стакана Фёдор, с трудом наколов на вилку кусок черного каучукового мяса, согласно кивнул головой.

На следующее утро, опохмелившись и собрав свои нехитрые пожитки, новоиспечённые компаньоны отправились перекладными электричками в Москву. А еще через три дня будущие рестораторы, безжалостно высаженные контролёрами на забытую богом и людьми пустынную платформу в сотне километров от вожделенной столицы, в ожидании следующей электрички бродили в полосе отчуждения, вороша палками палую листву, в поисках пустых пивных банок.

– Не грусти, брат, теперь если повезет, одним рывком до Москвы к вечеру доберемся, – подбадривал себя и товарища неунывающий Жора. – И уже завтра у нас начнется на-

стоящая жизнь!

Фёдор грустил уже вторые сутки, с того момента как окончились заработанные на рынке деньги, и началось мучительное затяжное похмелье. Для себя Фёдор твердо решил: никакой ерундой, вроде ловли собак он в Москве заниматься не будет, а с ходу начнёт бомбить лохов, благо теперь в кармане у каждого имеется какой-никакой мобильник, а это гарантированный литр с закусью. Поймают его в таком огромном городе не скоро, а и поймают, не велика беда – лагерный барак ничуть не страшнее сарайчика или подвала.

Медленно ехавший по грунтовой дороге, идущей вдоль лесопосадки, УАЗ вдруг сбавил скорость, дал задний ход и затормозил напротив ковыряющихся в жухлой листве приятелей. Из машины вышла немолодая, но довольно симпатичная невысокая женщина в ярком спортивном костюме и, оценивающе посмотрев на бродяг, крикнула:

– Эй, мужики, заработать хотите?

– Хотим, – торопливо ответил измученный вынужденной трезвостью Фёдор.

– А что нужно делать и сколько стоит? – деловито спросил Жора, неторопливо выбираясь из придорожных кустов на глинистый сырой проселок.

– Убрать огород с капустой. Оплата по две тысячи рублей каждому плюс мои харчи.

– А велик ли твой огород? – с недоверием спросил Жора, привыкший к тому, что в его деревне ни за какой огород

больше трехлитровой банки самогона ему не платили.

– Полгектара точно будет.

– Тогда понятно, – Жора задумчиво почесал рукой отросшую за последние дни жидкую клокастую бородёнку. – Пятёрку на двоих даёшь?

– А это как работать будете...

– Мы согласны, – поспешно кивнул головой Фёдор, опасаясь, что если его спутник продолжит кочевряжиться, то выгодная, на его взгляд, халтура будет упущена.

– Тогда садитесь и поехали, – махнула рукой женщина.

Фёдор распахнул заднюю дверцу машины и инстинктивно сделал шаг назад. На сиденье, тихо рыча, развалился огромный рыже-белый пес.

– Пилигрим, полезай в багажник, – властно приказала хозяйка, садясь за руль.

Пес ловко перебрался в багажный отсек УАЗа, и изрядно окоченевшие на свежем осеннем воздухе бродяги блаженно развалились на нагретом собачьим телом сиденье.

– Меня зовут Нина Васильевна, – представилась женщина, разворачивая машину в обратном направлении.

– Жора.

– Фёдор.

– А откуда и куда вы путь держите?

– Из-под Саратова в Москву, – вяло процедил сквозь редкие зубы Жора.

– На заработки?

– Ага, – кляня носом, сонно выдохнул Фёдор.

– А как в нашей глуши оказались? Вышли из поезда свежим воздухом подышать?

Прятели не ответили. Измученные трехдневным скитанием по электричкам и вокзалам, в теплом салоне машины они мгновенно размякли и уснули. Разбудил их только залихватистый лай выбежавших встречать свою хозяйку собак.

– Ну и место! – удивленно присвистнул Фёдор, разглядывая усадьбу, стоящую на краю огромной пустоши, окруженной со всех сторон лесом, и, пугливо косясь на радостно прыгающих вокруг УАЗа, виляющих хвостами собак, по большей части мелких беспородных дворняжек.

– Выходите, не бойтесь. Мои собаки людей не трогают, – успокаивающе произнесла Нина Васильевна.

Подгоняемые дышащим им в затылок из багажного отделения Пилигримом, приятели вылезли из машины и, окруженные сворой бесцеремонно обнюхивающих пришельцев псов, направились вслед за хозяйкой к большому старинному дому на основательном каменном фундаменте. Жора буквально прилип глазами к догнавшему Нину Васильевну Пилигриму и, толкнув Фёдора в бок, спросил:

– Как ты думаешь, в этой лошади килограмм шестьдесят будет?

В доме женщина внимательно, словно лошадей на конной ярмарке, осмотрела своих новых работников и вынесла вердикт:

– Я думаю, сегодня от вас на огороде проку мало, поэтому сейчас поедите, помоемся и как следует отоспитесь. А завтра, часиков с восьми утра, начнем работу.

– Очень хорошо, – обрадовался Жора. – А вы что собачий питомник содержите?

– Скорее приют для бездомных, а вы, я чувствую, очень собаками интересуетесь?

– Ага, особенно бездомными. Мне кажется, вы многое знаете по этому поводу.

– Даже очень много, – многозначительно подтвердила Нина Васильевна. – Но давайте поговорим об этом в другой раз...

Выставив на стол картошку с тушенкой и классическую деревенскую закуску в виде сала, грибов и разнообразных солений, хозяйка, немного поколебавшись, добавила к еде небольшой, резного хрусталя графинчик с мутноватым самогоном. А потом, скрывшись за пестрой кухонной занавеской, заплескалась водой и загремела вёдрами. Приятели голодные, словно волки в зимнем лесу, молча накинулись на еду. Через десять минут стол был пуст и Жора, откинувшись на спинку старого венского стула, мечтательно произнес:

– А я бы с хозяйкой пожил здесь недельку-другую в свое удовольствие.

Из кухни вышла озабоченно хмурая Нина Васильевна:

– Поели? Ну, тогда доставайте чистое белье, берите с кух-

ни ведра с водой и идите в баню мыться.

У Федора по укоренившейся лагерной привычке все вещи в обтрепанной спортивной сумке были аккуратно разложены по прозрачным полиэтиленовым пакетам, и он сразу достал из нее смену белья. А вот в Жорином необъятном бауле, как всегда творился полный бардак, и беспечный приятель, недолго и безрезультатно пошарив там рукой, просто вытряхнул содержимое баула на пол. Вместе со всевозможным тряпьем и какими-то растрепанными газетными свертками из него с глухим стуком вывалились похожие на кандалы, выкрашенные зеленой краской большие охотничьи капканы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.